18+

Борис Бурный

П/Д_Р

Борис Бурный

П/Д_Р

«Издательские решения»

Бурный Б.

П/Д_Р / Б. Бурный — «Издательские решения»,

Иногда человеку, по разным причинам край, как не хочется ехать из пункта А в пункт Б, но если удастся смириться, то можно неплохо провести время.Книга содержит нецензурную брань.

© Бурный Б.
© Издательские решения

Содержание

П / Д _ Р 6
Конец ознакомительного фрагмента. 36

П/Д_Р

Борис Бурный

© Борис Бурный, 2026

ISBN 978-5-0071-7129-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

П / Д _ Р

Когда Димон влетел в кассовый зал ж\д вокзала достославного во всех отношениях города Ч-цк, то едва не влепился в покатую, понурую, пожухлую спину крайнего очередника, маячившую буквально в метре от входа. Кое-как остановился, выдохнул, на секунду задумался, есть ли смысл занимать и всё же спросил у спины:

— Я за вами?

— За мной!

— Хорошо!

Странно, что тут хорошего?

Касса забита людьми под завязку, яблоку негде упасть. Хотя, вон в углу имеется свободное местечко. Туда Димон шагнул без промедления. Огромная двадцативосьмикилограммовая сумка отрывала руки. Поставил тяжесть прямо на пол, благо она обернута плотной бумагой и перетянута крепким шпагатом от лихих людей и грязи, сверху аккуратно положил спавшую на плече дочь. Перелёт укатал бедную. За шестнадцать часов преодолели с востока на запад восемь тысяч вёрст, сменили шесть часовых поясов, да совершили три взлёта с тремя посадками, так что не мудрено. Заботливый отец прикрыл дитя яркой кофточкой от сквозняков и докучливых взглядов, размял занемевшие плечи, повертел головой, похрустел хрящами, заодно оценил обстановку. Со стороны выглядело ещё гаже. Из шести кассовых окон три темнели задёрнутыми шторами, в одном выдавали только справки, а к двум действующим без очереди не подобраться. Димон посмотрел на циферблат, до отправления поезда оставалось два часа пятьдесят четыре минуты. Не густо. Он внимательно пересчитал толпившихся в кассы, выходило почти вровень. В окно №3 — девятнадцать, в окно номер семь — 18. «Стоп, а почему семь, когда их всего шесть?» Может и есть ответ на этот вопрос, если поискать, но времени нет абсолютно.

Часики-то: тик-тик-тик-тик-тик-тик!

У него внутри начинало клокотать от дурного предчувствия. Если билеты достать не удастся, тогда вариантов остаётся только два. Оба дерьмовые. Или идти в гостиницу, ждать следующего поезда, а тот ходит только по чётным, или брать «мотор» за огромные деньги и пилить по дрянной дороге семьсот вёрст полдня и полночи. С ребёнком на руках? Безрассудная затея.

А часики: тик-тик-тик-тик-тик-тик!

Осталось 2:34!!

За двадцать минут обе кассы обслужили всего пять человек, и то один из них почему-то сразу ушёл. То есть по факту четверых. Значит к заветному окошку он подберётся только впритык, если процесс будет идти чётко по графику, а вдруг какая заморочка, как часто бывает? Потом ещё надо до поезда добежать с дочерью на плече, неподъёмной сумкой в руках и рюкзаком с ценной аудио и видео аппаратурой за спиной, но он лёгкий не в счёт.

: тик-тик-тик-тик-тик-тик!

: 2:22!!!

Раздражение усиливалось. От собственной беспомощности прежде всего. Вот угораздило отправиться в путешествие по одной шестой части земного шара без билетов на руках. Хотел купить загодя, но в тамошней ж/д кассе не работала «машина», со слов работницы. Она же и сподвигла на безумный шаг.

— На месте по прилёту купите! Сейчас пока не сезон да и цены выросли, никто не ездит, все дома сидят.

«Сидят они, как же». Димон в упор разглядывал унылую, серую массу соплеменников почти безмолвно, безропотно вжимавшихся друг в друга. «Ладно мне приспичило, но их куда

понесло?» Его до глубины души возмущала гнетущая обстановка. «Всё власть! Сама скотская и нас за скотов держит!» Люди быстро взялись ругать государство по поводу и без, стоило тому немного ослабить вожжи. С другой стороны, кого же ещё ругать за весь тот бардак, за дефицит, за несправедливость, за неумение управлять!? Они-то сами всегда с билетами, Димон точно знал. На самолёт покупал через обкомовский блат. Удобно, между прочим. Не надо в очереди стоять ночами, в списках значиться, скандалить с теми, кто пытается нагло пролезть вперёд. При всём своём праведном негодовании в адрес скотской власти, он никогда не гнушался пользоваться её подачками. Если они облегчают жизнь, почему нет? В чём здесь противоречие?

: тик-тик-тик-тик-тик-тик!

: 2:12!!!!

К раздражению понемногу добавлялось отчаяние. «Ловить тут нехер, только зря время теряю». Пора принимать дерьмовое решение. Выбор явно качался в пользу гостиницы, несмотря на потерю драгоценных дней. Их всего-то семь — кот наплакал, так ещё два из них коту под хвост. Будь он один не задумываясь махнул на «моторе». Но раз уж они вдвоём, то делать нечего, придётся будить сладко спавшую принцессу. К тому же за гостиницу голосил мочевой пузырь. В самолёте в туалет сходить не удалось, все подходы к заветным дверям в хвосте салона оккупировали любители покурить. Увещевания и доводы остальных пассажиров разбивались о железный аргумент — уши пухнут. Да и провести даже несколько минут в крохотном закрытом помещении, по объёму чуть больше собачьей конуры, где до тебя человек тридцать выкурили по сигаретке, весьма сомнительное удовольствие. Потому Димон решил справить нужду на земле, а там сразу сели в автобус, а теперь вот, как оставишь дитя и сумку одних? Да никак! И коли с билетами на поезд не выгорает, тогда прямиком в гостиницу. Где, кстати, их тоже никто не ждёт. Вряд ли свободных мест навалом, придётся договариваться, но на этот случай у него припасен очень весомый аргумент. В боковом кармане сумки затаился пакет вдоволь начинённый сокрушительным дефицитом. Морским и заморским. «Вот бы его той „сорокопятке“ с ярко накрашенным лицом из седьмого оконца преподнести, сразу бы обилетился». Димон с тоской смотрел на заветное окошко, отдавая себе отчёт, что попасть туда возможно только в шапке-невидимке. Её, увы, можно найти только в сказке, а вокруг явная быль. Внезапно, он обнаружил ещё одного виновного в своём безвыходном злополучии. Жену. «Зря я её послушал, не надо было тащиться в такую даль, в такое время. Вечно эти бабы лезут, куда их не просят!» Тут же поймал себя на постыдном — будь у него сейчас такая возможность, он бы плюнул на всё и поехал обратно. Смолодушничал, но сразу осёкся. «Да хорош ныть, надо ехать, иначе век свободы не видать!» Тогда вперёд, только туда! Рука уже потянулась к спящему ребёнку, как краем глаза уловил лёгкое движение. Быстро повернул голову вправо, увидел, что дверь ведущая в логово кассиров медленно открылась, оттуда неспешно выползла техничка с полным ведром воды в одной руке, старой шваброй в другой. Она поставила орудия труда в двух шагах от Димона, плотно закрыла дверь, выпрямилась во весь свой сморщенный росточек, затем громогласно объявила:

— Через десять минут касса закрывается на уборку!

Он вспомнил, что на входе видел объявление о техническом перерыве с 15:15 до 15:30. Видеть то видел, но значения не придал. Усталость притупила бдительность, в голове создавалось полное ощущение, что на улице уже тёмная ночь, хотя там во всю сиял ясный день.

Обе очереди между тем пришли в ажитацию. Задние ещё сильнее поддавили передних, по какой-то детской наивности полагая, что массовый посыл отчаяния, когда долетит до кассиров, заставит тех ускорится.

Ну-ну.

Пока довольная произведённым эффектом уборщица не без труда выжимала огромную тряпку из мешковины, Димон нутром почуял — судьба даёт ему шанс. Не зря же он считал себя везунчиком. Кровь в его жилах забурлила, гул в голове от долгого перелёта затих, тело

напряглось, даже мочевой заткнулся. Апатию, отчаяние, досаду, как рукой сняло. Он отодвинул ногу дочери от края сумки, где на серой упаковочной бумаге виднелся жирный красный крест. Условный знак, начертанный им самим. Прямо в центр креста ткнул шариковой ручкой, аккуратно надорвал плотную бумагу, добрался до молнии на боковом кармане, расстегнул, вытащил яркий целлофановый пакет исписанный иероглифами. Тяжёлый, холодный на ощупь. Расчёт оказался верен — багажный отсек 154-го Ту, ещё та морозилка. С лёгким азартом внутри, видимо так себя чувствуют ловцы удачи, когда заходят на цель, Димон приблизился к уборщице, постарался принять одинаковый с ней угол наклона и только тогда сделал заманчивое предложение.

— Не могли бы вы передать презент вот той эффектной брюнетке из седьмой кассы!

Несмотря на его благожелательный тон, учтивые слова и почтительную позу, уборщица крайне возмутилась пустячной, в общем-то, просьбой. Бросила тряпку на пол, резко выпрямилась, сурово глянула наглецу снизу вверх прямо в бесстыжие зенки, но не успела сказать ни слова, получила упреждающий удар:

— Это вам за труды!

На нахальной ладони, будто жар-птицы горели искушающим огнём две громадные яркие заморские конфетины. Надо же такому случится, всего несколько секунд назад начальница ведра и тряпки думала о том, что сегодня собиралась после смены навестить любимых внуков, одна беда, гостинца у неё нет до сих пор. В магазинах ничего не достать, а на то куцее жалование, что ныне выдают на железной дороге, после всех бесчеловечных экспериментов властей над народом, ничего не купишь даже у кооператоров. И тут как тут свалился этот.

— Моряк?

— Рыбак!

— У меня их трое!

— Кого?

— Внучат!

Вот и договорились! Пока одна относит презент, другой тем временем заготовит третью конфету. Первые две она не мешкая заныкала в огромный боковой карман серого застиранного халата, взяла из рук скороспелого соучастника увесистый куль, быстро исчезла за заветной дверью. Димон по новой нырнул в сумку, добыл нужную единицу и взялся зорко бдить, как пройдёт процесс передачи.

: тик-тик-тик-тик-тик-тик!

: 1:58!!!!!

Ничего не вышло ровным счётом. Как ни старался, не разглядел ни черта. Только чья-то тень мелькнула за спиной брюнетки, а чья?

«Блин! Да где же она, почему так долго! Неужели себе всё замылила?»

А ЧАСЫ: ТИК… ТАК… ТИК… ТАК… ТИК… ТАК!

: 1:55!!!!!!

Наконец-то!

Передатчица выпорхнула из дверей сияя во всю ширь слегка щербатой желтозубой улыбкой. Перво наперво вырвала своё лакомство из чужих лап, сунула в карман к двум другим, а потом разъяснила не особо сложный алгоритм последующих действий. Сначала надо дождаться, когда она выгонит всех этих лишних людей за порог, потому что технический перерыв это основа всего железнодорожного порядка, тогда ему откроется прямая дорога к седьмому окну за получением ответной благодарности.

— Очень ей понравился твой подарок, очень!

«Когда она успела его распотрошить?»

— А как к ней обращаться?

— Зарифа Зибокаевна!

Оказалась не только милой, душевной, отзывчивой женщиной, но ещё отменным кассиром. Мгновенно сняла чью-то бронь, выписала красивым ровным почерком два купейных билета туда, один плацкартный обратно, отсчитала сдачу, после чего на листке бумаги написала несколько слов, просунула в полукруглый вырез в оконном стекле.

— Идите в комнату «Матери и ребёнка», отдадите дежурной записку, а я ей позвоню! Пусть ваша принцесса хоть немного поспит по-человечески!

«Откуда она про принцессу узнала?»

Он сгрёб бумажки и мелочь, отошёл в угол, рассовал по карманам билеты, деньги и только тогда спохватился:

— Спасибо большое!

По пустому кассовому залу слова разлетались отчётливо, звонко, сердечно, но ответ получился более пылким.

— Что вы, всё чем смогла за такой роскошный подарок!

Когда обмен любезностями иссяк, Димон озадаченно уставился на свою поклажу. Вариант оставался единственным — грузить дочь на левое плечо, в правую руку хватать неподъёмную сумку и короткими перебежками двигаться к цели.

— Постой-ка!

Уборщица в ответ на его замешательство, предложила посильную помощь. Сейчас она домоет,

— Тут делов-то осталось минут на пять!

После чего запустит очередников обратно, тогда он сможет спокойно перенести ребёнка в пункт назначения, а сумку она покараулит. Звучало заманчиво. Нужно только убедить самого себя, доверить незнакомому человеку ценный баул. Удалось достаточно быстро благодаря мочевому. Тот завопил с удвоенной силой, едва билеты оказались на руках. Так что окончания технического перерыва оба дожидались с нетерпением. Наконец двери распахнулись, точнее дверь. По какой-то неведомой причине при наличии двух створок, всегда и везде открыта только одна и на вход, и на выход. Почему?

«Не знаю!»

То-то и оно, что никто не знает.

Когда лишние люди наконец-то попали в кассовый зал у них началась увлекательная головоломка под названием «Вас здесь не стояло!»

Димон предупредил, успевшего занять за на ним перед самым закрытием крайне нервного главу большого семейства, что уходит, а в ответ получил жёсткий полный ненависти взгляд. «Странный товарищ, как-будто я придумал эти правила». Да действительно, разве не власть паскудная поставила нас в такие условия: хочешь жить — крутись, не хочешь — в очередь. Потому реагировать на чьи-то расшатанные нервы нет никакого резона. Заботливый папаша с рюкзаком за спиной бережно подхватил любимую дочь, сразу за порогом начиналась широкая пологая лестница, которая вела на второй этаж. Уборщица подробно объяснила, как попасть в заветную комнату, где его уже ждала энергичная бабенция с подрисованными бровями на приторном лице. Активно жестикулируя, громким шепотом она приказала Димону снять кроссовки, махнула рукой — следуй за мной и устремилась по коридору с наглядной агитацией об общественной пользе материнства к самой дальней двери. В светлой угловой комнатке наполненной чистотой и уютом вместо кровати стоял большой канцелярский полированный стол, на нём разложили детский матрас, заправленный чистым постельным бельём, с тремя подушками, одной в голове и двумя по бокам.

— Это штоб ваша дивчина на свалилася на пол, местов совсем нету, — оправдывалась бабенция, указывая на импровизированное ложе.

Зря оправдывалась, никто не собирался ей пенять, наоборот, только одна благодарность.

— Это вам!

— Што? Мне? Уберите щас же!

Лицо дежурной окислилось от горькой обиды, едва она увидела сладкую конфету. Ещё чуть и зарыдает.

— Я ш к вам от чистого сердца!

— Как будто я от грязного, берите! — категорично убедил её Димон и заодно договорился пристроить здесь свою поклажу.

— В автоматическую она не влезет, а в ручную стоять времени нет!

— Вот сюда под столом поставите!

Бабенция бесшумно выскочила за дверь, а молодой отец аккуратно раздел-разул спавшее беспробудным сном дитя, уложил на матрац, прикрыл одеялом и двинулся в обратный путь к билетной кассе. Там в углу возле сумки его ожидала уборщица. Обрадовавшись так скоро воротившемуся Димону, она участливо спросила всё ли в порядке, получила утвердительный ответ:

— А раз так, тогда до свидания! Заплывай к нам ещё рыбачок!

— Непременно!

Снова подъём по лестнице с неподъёмной сумкой. Правда, пришлось остановиться на короткую передышку. «Всё! Путешествовать теперь только налегке! Больше никогда такую тяжесть не потащу!»

Ну-ну.

Когда наконец освободились руки, ноги понесли прямиком в туалет. Благо тот оказался модным, платным. Да пусть! Зато с бумагой, мылом, полотенцами, без очередей. А мочой как воняло! Изысканно, благородно, дорого.

Вышел, выдохнул. Фу!

: 1:35.

«Ого! За каких-то двадцать минут столько всего удалось провернуть?!» Даже не верится.

Времени оставался ещё целый вагон, чувство голода после посещения туалета резко обострилось, потому следующую остановку решил сделать в буфете. Зря. Там ему явно никто не обрадовался. Несвежая буфетчица отвечала на вопросы вяло, односложно, а еда в больших витринах-холодильниках походила на неё и морально, и физически. В правом углу на подсохших кусках серого хлеба упокоились разрезанные пополам синеватые куриные яйца обильно политые поржавевшим майонезом. В противоположном левом на хлеб как смогли набросали доходящую кильку с кольцами увядающего лука, а посередине чёрствый обмазали похожим на солидол повидлом в качестве десерта к бочковому чаю.

«ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!»

— А горячего нет?

— В ресторане!

— А где ресторан?

Грузная буфетчица с трудом сквозь зубы, будто партизанка на допросе в гестапо объяснила, где находится заведение. Тоже на втором этаже, только на противоположной стороне от того уголка, где спит его дочь.

«Комната отцов» — Димон открыл зеркальную дверь.

Там встречали радушно. По одёжке, как положено в злачных местах. Официант, бойкий татарчонок даже сдуру принял его за рок-звезду, но потом осознал, что ошибся. Он сопроводил гостя до стола, попутно выяснил на сколько персон накрывать.

— На одну! — уверенно ответил Димон, снял с плеча рюкзак, положил в кресло рядом, туда же отправил кожаную куртку.

Когда уселся сам, немного поёрзал в поисках наиболее удобной позы, увы. В этом дерматиновом творении советской мебельной промышленности удобства не предусматривались ещё на стадии проектировки. Официант предложил изучить меню, где почти половину блюд

бережно зачеркнули шариковой ручкой ввиду отсутствия. Гость не особо удивился увиденному и спросил, какие из оставшихся в живых наименований можно съесть, как можно быстрее.

— Винегрет и азу, — ещё увереннее ответил татарчонок, — пить, что-нибудь желаете?

— Только кофе, если есть!

— Есть!

— Тогда несите всё!

Не взирая на тот факт, что винегрет, в особенности общепитовский, он не любил никогда, предчувствие еды приподняло настроение. А то оно зачахло в считанные минуты из-за плотного табачного дыма сизыми слоями висевшего под потолком. «Странно, народу не много, а дыма полно». Кроме него в достаточно большом зале находились ещё шестеро. В дальнем углу сидели два сугубых мужика, перед ними стояла только бутылка водки да пепельница полная окурков. По какой-то причине её никто не менял. Шикарно, по нынешним временам, накрытый стол в центре, занимала шумная компания состоявшая из трёх джентльменов и одной леди нашего советского пошиба. Разодетые в пух и прах не ко времени и сезону, они отмечали что-то личное. То ли день рождения, то ли смерти, непонятно со стороны.

Димон не так давно, да всего-то прошло немногим более полугода дважды побывал в недалёком будущем — развитой капстране. Особенно удачно во второй раз. С тех пор он никак не мог отделаться от постоянных сравнений, причём, всегда не в нашу пользу. Вот и сейчас сидел и вспоминал, как там в малогабаритных ресторанчиках тоже курили изрядно, но дым куда-то сразу улетучивался. Во всяком случае он не выедал глаза, как здесь. Да там вообще ничего не воняло ни машины, ни поезда, ни туалеты. Хотя какой-то специфический запах еды, благовоний, бытовой парфюмерии всё время витал в воздухе, но назвать его вонью Димон не мог. «Пахло вкусно всегда и везде».

Официант принёс приборы, тарелки, хлеб неторопливо расставил на столе, также неспешно ушёл, пообещав вернуться с салатом. Белый, свежий, ароматный хлеб приковал к себе внимание посетителя, ненадолго отогнал досужие мысли. «Хоть чем-то ресторан должен отличатся от буфета».

Ну, не только свежим хлебом, товарищ, винегрет ещё достаточно приличный, во всяком случае солёный огурец не вонял тухлой бочкой, как часто бывает. Вот с азу не подфартило. Мясо потушилось, как надо и легко жевалось в отличии от картофеля. Видимо, его даже не пытались отварить, просто окунули пару раз в кипяток для видимости. Быстро покончив со вторым, Димон попросил кофе и счёт. Пока их готовили за столом, где сидела большая компания начался галдёж. Единственной даме захотелось танцев средь бела дня, а её желание, как известно для кавалеров закон. Они громко, на весь зал затребовали музона, из-за чего заметно напряглись двое сугубых в углу. Судя по всему им, напротив, недоставало тишины и покоя. Буза грозилась закипеть на ровном месте. «Надо валить пока не поздно, у меня дочь спит на этом этаже, да на поезд уже скоро садиться». А ещё нет ни малейшего интереса попадать в чужой замес даже в качестве наблюдателя потому что, как раз из них потом получаются свидетели. Счёт с кофе подоспели, весьма кстати. Но когда Димон взглянул на цифры написанные от руки на казённом бланке, у него самого возникло желание ввязаться в драку. Официант учуял, как забурлило нутро у клиента, поспешил ретироваться, якобы успокоить кричавших.

— А вы пока пейте кофе, пейте!

Он крутанулся на каблуках, но далеко не ушёл.

— Вот два червонца! — Димон стрельнул дуплетом ему в спину.

Запах денег, такой манящий!

Татарчонка развернуло вспять, как сибирские реки, он подскочил к столу, схватил денежки, выпалил важно:

— Сдачу принесу, после того, как с теми разберусь!

Видел, шельма, что клиент спешит.

— Хорошо, — неопределённо ответил Димон.

Но испить кофею, у него ровным счётом не вышло. Оба сугубых в углу недвусмысленно оторвали свои крепкие пятые точки от стульев. Не долго думая, он подхватил вещи, пошёл в сторону выхода с небольшим сожалением в душе. Три рубля с мелочью пришлось на «чай» отвалить. «Но оставаться здесь себе дороже!»

: 1:06.

Ещё есть полчаса.

В душном битком набитом зале ожидания решил не тормозить, лучше на улицу, проветриться заодно. На выходе с удивлением обнаружил насколько туго открываются двери. «Странно, почему я этого не заметил, когда входил вместе с принцессой и огромной сумкой?» Такой вот парадокс. Привокзальную площадь довольно внушительных размеров задумал обойти против часовой стрелки. Но едва отошёл от вокзала, упёрся в небольшой ладный домик довоенной постройки из красного кирпича. В нём приютился почтамт. Тут же возникла идея дать две срочные телеграммы — одну туда откуда приехал (пункт А), другую туда куда стремился (пункт Б), но с одним и тем же текстом.

«ЗАВТРА БУДУ».

На эту нехитрую затею затратил около пяти рублей и десяти минут.

«Есть ещё время прогуляться».

Нет. Подрезали крылья. Прямо на ступеньках его прихватил низкорослый коренастый мужичок с большой головой.

— Куда поедем командир?

Димон отчётливо выговорил название.

— Нехило, — мужик не пытаясь скрыть внезапный восторг, интенсивно зачесал репу, — чё башляешь?

— Уже забашлял, — ответил Димон на его языке, не без гордости предъявив купейные билеты.

Как поётся в народе — от печали до радости рукою подать? На шарообразном лице проявилось столько досады, что удачливому пассажиру стало неловко. Даже захотелось извиниться, только не хватало понимая — за что? Таксист укоризненно посмотрел на фигляра, громко вздохнул, попросил закурить.

— Не курю, — прозвучало почти как раскаяние.

— Тогда придётся свои, — оптимистично заявил малый с большой головой, выудил из кармана несвежей летней куртки пачку «новости», чиркнул спичкой, быстро сделал две глубокие затяжки и без раскачки перешёл к разговору о наболевшем.

О том, что у людей совсем не осталось денег на такси, а как теперь сводить концы с концами ему не ведомо. Раньше, если здесь не клевало, он спокойно мог ездить по улицам, где всегда кто-то вытянет руку, едва завидит знакомый зелёный огонёк. Но при нынешних ценах на бензин дешевле торчать в одном месте. А дома, между прочим, два пацана коих надо кормить, поить, обувать, одевать, учить и тому подобное.

— Баба у меня на тракторном пашет, так ей третий месяц зарплату не платят! Я тебя сдалека приметил. Недавно такого же нарядного, как ты полдня возил. Хорошо тогда подкалымил. Рыбак с Мурманска попался. Ты не рыбак?

— Моряк!

— Уважаю! Тоже хотел, когда-то в моря податься. Такая мечта была, но я её просрал.

Они разом засмеялись над просранной мечтой, будто давние знакомцы, а на вопрос за каким бесом он потащился в такую дыру, Димон ответил, что едет на родину.

— На побывку?

— На неё! — подтвердил путешественник, неожиданно для самого себя выложив, как на духу, краткую историю своей не всегда путёвой прошлой жизни. Затем он плавно перескочил на текущий момент и здесь они снова очутились по одну сторону, на дух не принимая омерзительную власть.

— Вон там, — внезапный политический попутчик, ткнул пальцем в противоположную от почтамта строну, — единственный магазин в городе, где без талонов по два часа в день водку продают. Народ сначала в очереди звереет, а потом идут туда, — он указал на центр площади, там доминировал угрюмый монумент, — на митинг против этих козлов. Это только начало, скоро ещё из города подтянутся. Потом на электричках, где-то через полчаса с шахтёрских посёлков подъедут, всю площадь до отказа забьют! Тебе, кстати, водка не нужна, у меня есть не дорого!

— Нет, не нужна, а сколько времени?

: 0:23!?!?!?

— Блин! Мне же на поезд! На, пацанам твоим!

Сунул в трудовые ладони пачку жвачки, там ещё оставалось несколько пластинок.

— Эй, спасибо, — кричал ему вслед растрогавшийся от неожиданности водила, — ты там держись!

«Постараюсь!»

Орать в ответ смысла не было, большими скачками он уже подлетал ко входу в вокзал пытаясь обогнать подлое время. Двери дёрнул так, что едва не сбил какую-то бабку, боровшуюся с ними из последних сил. Пока бежал вверх по лестнице, обдумывал план, как быстрее разбудитьсобратьодеть ребёнка. А если в туалет захочет? «Попрошу до поезда потерпеть!»

В комнате матерей разуваться не стал, за что дежурная обшипела его с головы до ног. Старался в коридоре громко не топать, получалось плохо, в спину неслись сердитые слова, но не до них сейчас, не до них. Там, где спала дочь, ждал сюрприз. Приятный. Принцесса полностью одетая сидела за пустым столом, кажется рисовала или лепила, или что-то ещё.

— Диана, быстро, быстро, опоздаем!

Рванул из-под стола сумку, схватил за руку чадо, извиняясь, поблагодарил за всё хорошее бабенцию, спросил, как быстрее добраться до седьмого перрона.

— Спуститеся в самый низ, где камеры хранения, там по тоннелю пойдёте в самый конец. Что же вы такой безалаберный папаша дотянули до последнего!

Даже не знал, что сказать. Всегда считал себя очень ответственным отцом, а тут… С непомерной сумкой в правой руке, крепко сжимая ладонь дочери левой, с рюкзаком за плечами слетел на первый этаж, с него ещё ниже в цокольный, минуя камеры хранения выбрался в длинный туннель, на предельной в таких условиях скорости. В узком подземелье не обитало ни единой души на всём его протяжении метров, наверное, в пятьсот. Ну, может поменьше у страха, как обычно глаза велики. На секунду отпустил руку ребёнка, чтобы взглянуть на часы.

: 0:12.

Нормально. Где-то после пятого выхода можно будет темп немного сбавить.

Нельзя.

Едва добрались до четвёртого, Димон увидел, как сверху вниз по лестницам с обеих сторон платформы будто яйца в игре «Ну, погоди», ссыпаются решительного вида люди. В памяти всплыли слова таксиста об переполненных электричках, которые везут с рабочих окраин алчущих свободы, равенства и братства. Тут же захотелось, влиться к ним в достойные, отважные ряды, стать частью разумного, доброго, светлого, но вместо этого он истошно завопил:

— Диана, крепче держись!

Толпа чуть было не накрыла их, словно горная лавина, успели выскочить на свободное пространство буквально за секунду до того, как туннель забился до предела.

: тиктиктиктиктиктиктик!

До цифры семь на торцевой стене добредали в очень бодром темпе. Из двух возможных выходов выбрали правый, а когда поднялись на перрон, увидели поезд, застывший на путях. Немногочисленные провожающие толкались снаружи у окон, посылали последние пассы с поцелуями, Димон решил, что лучше добежать до своего вагона в голове состава. Конечно, можно впрыгнуть в ближайший, но тащиться потом по чужим вагонам, по прокуренным грязным тамбурам, по дребезжащим зыбким переходам со всем обременением, тот ещё аттракцион. Нужно постараться успеть!

— Рискуете молодой человек! С ребёнком тем более!

: 0:02…

Радостный папаша только тяжело дышал в ответ. На большее сил не осталось.

— Купе у вас какой номер?

— Первый!

— Тогда ждите, сейчас поезд отправим, потом посажу.

Проводница высунулась наружу и застыла в рабочей позе с жёлтым флажком в вытянутой руке. Примерно с минуту не происходило ровным счётом ничего, а когда локомотив подал протяжный хриплый сигнал, она несколько раз махнула сверху вниз жёлтой тряпкой. Через несколько секунд поезд, лязгнув колёсными парами, тронулся с места.

— Идите за мной!

— Идём.

Благо не далеко. Буквально в полутора метрах от тамбура за открывшейся дверью, их ждал ещё один сюрприз. Двухместное купе. Двухместное! «Никогда такого не видел». Конечно, не видел, оно для блатных. И пусть объём здесь ровно вполовину меньше, чем в обычном и столик куцый, и всего пол окна, зато можно спокойно до трусов раздеться, потому что рядом с тобой никто не кряхтит, не сопит, не кашляет, не храпит, не икает, не сморкается, не пердит, не смердит, не живёт. Когда застелили постель, уселись на чистое, дитя заявило, что хочет есть.

— Давай, посмотрим, что у нас есть!

Димон залез в рюкзак, вытащил наполовину полный пакет, провёл ревизию запасённой в дорогу снеди. В сухом остатке наличествовало два варёных яйца, плавленный сырок, треть батона, пачка печенья, банка красной икры, банка сайры. У проводницы разжились чаем в подстаканниках и заботливый отец принялся кормить изголодавшееся чадо, подъедая за ней все остатки. Не пропадать же добру. Попутно выяснил, почему она сидела одетая, когда он примчался за ней в комнату «Матери и ребёнка».

— Меня пробудила женщина, она там работает. Сказала, ты скоро придёшь, поэтому нужно быть готовой. Я сходила в туалет, умылась, она мне дала раскраску, карандаши, воды попить. Она добрая.

«Да».

Все они добрые: уборщица, кассир, дежурная, таксист, проводница. И если бы не тот презент в пакете, с которого всё началось, то Димон так и никогда не узнал насколько. А ведь есть на белом свете места, где люди добрые безо всяких презентов. Он их видел своими глазами. «Потому что всем хватает всего. Еды, одежды, билетов». Ему вспомнился один эпизод во время второй поездки в развитую капстрану, когда им купили билеты в автоматических аппаратах прямо на перроне. Даже кассиры не понадобились. Тогда это казалось настоящим чудом, но теперь он понимает, что ничего чудесного там не случилось. Подошёл к железному ящику, вставил в прорезь какой-то странный кусок пластмассы заместо денег, нажал несколько кнопок согласно инструкции в светящемся оконце и билеты выпали в поддон в нижней части аппарата. Всё! Прямо зло берёт! Ну, какое здесь чудо? Обыкновенное? Обыкновенных чудес в нормальном мире не бывает! Только в нашем бездарном, дурном, отсталом, нелепом, смешном. Как ещё можно назвать события произошедшие с ним сегодня в кассовом зале ж/д вокзала? Чудо на чуде и чудом погоняет, потому сейчас он сидит в двухместном купе, смотрит в

половину окна на бренный мелькающий мир. Тот уже начал темнеть на горизонте. Принцесса тоже напрыгалась с полки на полку, плюхнулась рядом, уставилась вместе с ним. Он улыбнулся и стало всем светлей.

— Ты рад тому, что увидишь завтра своих родителей?

— Этому тоже!

Вскоре дочь запросилась в туалет, а оттуда сразу нырнула под одеяло. Димон дождался, пока ребёнок крепко заснёт, бесшумно выскользнул за дверь, сделал контрольный пис, вычистил зубы, также неслышно вернулся. Запрыгнув на вторую полку, поставил будильник в наручных электронных часах на четыре утра. Прежде чем окончательно отрубиться его посетила одна важная мысль.

«Интересно, отец один приедет нас встречать или с Ма? Если один, тогда лажа хоть обратно езжай».

Немного поворочавшись с боку на бок отыскал нужную позу и мгновенно отрубился под размеренный колесный тук-тук.

Всё же напрасно волновался, встречать примчались все, кто смог. В тусклом свете вокзального фонаря стояли выстроившись во фрунт родители и брат с женой. Сердце бешено заколотилось, когда увидел свою самую близкую родню. А те его не заметили вовсе, метнулись ровно в противоположную сторону к плацкартным вагонам. Пришлось выковыриваться самому. Пятнадцатый вагон прицепили сразу за локомотивом и тот протащил его за край платформы на несколько шагов. То ли машинист не попал в станционные габариты, то ли состав получился длиннее, чем нужно, что уж теперь думать. Прыгать надо. Димон убедился, что под ним не валяется ничего травмоопасного, легко соскочил с последней ступени, принял на руки полусонную дочь, перенёс подальше от вагона. Затем вернулся за тяжеленной сумкой, управиться с ней помогла проводница. Отблагодарив её чистосердечными словами уже бывшие пассажиры побрели по гравию к пологой плите, служившей сходнями с перрона. С противоположной стороны по пустой платформе к ним уже неслись заполошные родственники, видимо осознали ошибку в расчётах.

— Вон те люди твои дедушка с бабушкой хочешь, беги к ним навстречу.

— А кто ещё с ними?

— Тоже свои. Мой брат с женой, беги!

Больше малую уговаривать не пришлось, она отпустила отцовскую ладонь и понеслась навстречу с пожилыми. Дед с бабкой, как только узрели ещё ни разу не виданную внучку, тот час поддались на провокацию чувств, добавив пару в постаревшие котлы.

Димон продвигаясь вслед за дочерью с тяжёлой ношей, немного напрягся. «Только бы никто из них не навернулся от счастья». Обошлось. Примерно посередине перрона долгожданная родственная смычка наконец-то случилась. Слёзы, сопли, поцелуи, объятия, рукопожатия, приветствия — в общем полный набор.

Когда все участники понемногу успокоились и пришли в себя, одному из них пришла неожиданная идея.

— Стойте! Давайте я сниму для истории!

Никто из местных не возражал, они пристально смотрели на голосившего, пока тот доставал из рюкзака неведомую аппаратуру.

— Эт чё фотоаппарат такой? — полюбопытствовала Ма, когда старший сын вынул из чехла загадочное устройство.

— Бабушка, это видеокамера! — ответила внучка за отца.

В этот момент он предупредил — снимаю — и нажал на кнопку record. Снимаемые приняли серьёзный вид, вытянулись по стойке смирно, старались не моргать лишний раз, чтобы не испохабить собственную историю. Оператор сначала тщательно прошёлся по каждому в

отдельности, потом запечатлел всех скопом, уже хотел нажать на stop, но в кадр похабно и нагло заполз кто-то чужой. Когда вгляделся понял — это заводик! Главный здешний персонаж начинался прямо за станционными путями. Приближенные с помощью объектива заводские цеха и трубы, охотно позировали во всей своей индустриальной красе и даже немного добавили лязга, скрежета и грохота для пущего эффекта. Грязное, вонючее, исполинское чудище учуяв на себе изумлённый взгляд чужака, отправило в ответ собственный адский привет. Встреча для обоих вышла нежданной, никчёмной, продлевать её не было смысла, запись прервалась, а на заводике в ответ, что-то недовольно ухнуло. «Да пошёл ты!»

— Всё, вольно разойдись! — Димона позабавило, что родные до сих пор стояли без движения, в ожидании команды отбой.

Обычно массивные вокзальные двери запирались с обеих сторон после отправления поезда, но в этот раз в железных железнодорожных правилах произошёл явный сбой. Двери оставались распахнутыми настежь. Так почему не воспользоваться случаем? Маленький родственный табор желая сократить расстояние до отцовской «копейки», припаркованной на привокзальной площади, попёрся прямиком сквозь пустое здание. Когда проходили через холл, Димон заметил, что на том же самом месте, где он обитал всю свою бессознательную жизнь, плещется скромный неугомонный фонтанчик. Ноги сами повернули в ту сторону, с наслаждением он припал к мерно пульсирующему источнику воды будто та живая. Пока упивался подзабытым вкусом родины, на ум заползла мысль, что двенадцать лет назад в такое же раннее майское утро, его вместе с бандой призывников увозили на том же самом поезде, только в обратную сторону. «Выходит, круг замкнулся! Интересно сколько же воды утекло?»

— Дим, ну ты где? — громко спросил отец, — гляди, двери закроются!

— Бегу!

Насилу оторвался, будто с похмелья долгого, долгого двенадцатилетнего.

Отец ждал его на верхней ступеньке, чтобы помочь спуститься вниз. Вдвоём полегче. Погрузили поклажу в багажник, кое-как расселись сами. Ма отправила старшего на своё «законное» место вперёд, а сама уместилась сзади с «молодёжью» и внучкой на руках.

— В тесноте да не в обиде! — оптимистично заявила она, после того, как отец с трудом захлопнул заднюю дверь.

«Это называется — всей семьёй на ферму! Зачем надо было брата с женой тащить?» Ещё и получаса не прошло, как его бросало в пот от мысли, что отец приедет встречать один. Теперь же сопереживал, как мог, натужному рыку слабосильного мотора, загруженной под жвак семейной любимицы. Спящий городок выглядел будто вымершим. Немного оживляли пейзаж редкие полупустые трамваи, в них на смену ехали самые нетерпеливые трудяги.

«На их месте мог быть я».

К его удивлению улицы знакомые с детства почти не изменились. Даже пожилые дома в этой части города не выглядели захезанными. Как-то всё аккуратно, прилично, приятно. Только карагачи высаженные ещё первостроителями, пострадали от чьей-то недоброй воли. Их поголовно обрезали почти до середины. Куцые, искривлённые стволы чуть выше человеческого роста, уже ощетинились новыми ветками, тянули их к небу, словно вопрошая — за что?

«Странная эстетика» — размышлял Димон разглядывая четвертованные деревья. В салоне стало душно от многолюдия, он приоткрыл треугольное оконце, подставил лицо под струю воздуха, но свежестью там и не пахло. Заводик решил показать, кто здесь хозяин, вобрал в себя всю производственную вонь и отправил вдогонку залётному наглецу, изрядно подпортив и без того унылую окружающую среду. Незадачливый пассажир громко фыркнул, поспешно прикрыл ветровик обратно, для надёжности закрепил защёлкой. Остальные попутчики громко закашляли, засопели, зашмыгали носами, но на словах неудовольствие высказала только принцесса.

— Приношу свои извинения, вероятно, я оторвался от местных реалий!

Отец закатился без какой-либо паузы, едва старший сын успел договорить. За ним полыхнули все кто сидел в салоне, включая брата с женой. До слёз, до слюны, до соплей. Даже «копейка» пару раз весело подскочила на кочках, поддавшись всеобщему радостному настроению. Димон вдруг понял почему так много людей приехало его встречать! Ровно по той же причине — Па не хотел оставаться с ним один на один, а теперь их обоих буквально распирало от восторга. И надо же было такому случиться, именно в эту счастливую минуту память-падла затащила Димона обратно в прошлое. Он туда не хотел, он упирался, он знал, что его ждёт, но ничего не мог поделать.

Никто ещё не спрятался от памяти. Никто.

Когда ненастным осенним днём пришла его очередь отдать священный долг, то Родина в лице капитана-военкома взяла не сразу.

— Отсрочку тебе на! Поди, ещё полгодика груши пооколачивай!

— Ещё полгодика? Конечно, пойду! — безропотно согласился Димон и вприпрыжку помчался вон на свободу.

Там его заждались кореша Чиба и Процен. Совсем недавно им наконец-то удалось найти нужное сочетание количества и качества. Ведь начинали ещё со школьной скамьи с бормотухи и чем старше становились, тем больше крепчал градус: настойки всякие горькие, сладкие, портвейны разные — всё не то. Даже водяра, когда достаточно подросли и занялись ею вплотную, не давала нужного эффекта. Даром, что называлась «пшеничная», но все же знали она или из нефти, или из опилок, кому как повезёт, ну или, кто во что верит. На коньяк тогда смотрели с опаской — дорог, надменен, клопами опять же воняет по всеобщему согласию, пока в один прекрасный день Чибин отец не объяснил про него: где, когда, зачем и сколько. После того разговора всё встало на свои места. Из всего разнообразия, что мог предложить развитой социализм молодым строителям коммунизма, коньяк или клоповник лучше всего отвечал поставленным целям. Во-первых, с него не дурели, как с водки. После той очень часто хотелось подвигов, а ещё обязательно нужно было догнаться, пока башку не снесёт. А коньяк, напротив, ничего дикого от Димона со товарищи не требовал, мягко укутывал тёплым хмельком, расслаблял, согревал, облагораживал. Даже книжку при желании можно почитать после коньяка, жаль недолго продлились коньячные биеннале. Сначала Процен откололся. После каблухи он женился на малолетке по залёту и теперь, чтобы от армии откосить, усердно клепал второго. Своё первое чадо они зачали в пьяном угаре, девочка родилась с отклонениями, что-то со слухом не в порядке. Потому несовершеннолетняя жена Процены выставила абсолютно взрослый ультиматум — или совсем не пьёшь, или в армию! Он прикинул хрен к носу и завязал. Взялся пердолить её вдоль и поперёк, чтобы она запузырилась, а он сразу бухнул, но ничего не получалось, как ни старался.

— Сука, каждый вечер по палке кидаю и хоть бы хрен, а тогда только присунул, сразу прилип!

— Может мы подсобим? — предлагали друзья в последний раз под коньячок.

— Да идите вы в жопу! — горячился невезунчник на пустом.

Друг называется. Из-за него стройная, логичная система распалась. Если раньше брали литр на троих или по 333 на душу, как поэтично выразился Чиба, то теперь одну на двоих. Две попробовали — перебор. Но и этот вариант долго не прожил, к сожалению.

Чиба следом вздумал жениться ни с того, ни с сего.

Ещё несколько дней назад договорились, что с получки они идут в ресторан «Кристалл» или кабак, если по-простому. Димон даже съездил туда столик забронировал, но накануне этот мудак припёрся к нему домой и всё отменил.

— Ты чё ебанулся! Почему?

— Я женюсь!

— Ты? Зачем? На ком?

— На Нинке Лепёхиной!

— На …???

С Нинкой они учились в одном классе с первого по восьмой, но она никогда не слыла красавицей. Умной — да! Отличницей — да!! Активисткой — да!!! Собственно и всё. Не густо по итогу. Про таких говорили ни сиськи, ни письки и жопа с кулачок. Димон никогда бы не подумал про друга, при всей его любви к худеньким, что у того на неё встанет. Никогда. А вот поди ж ты, не просто встал, но и в загс пошёл. Отговаривать Чибу от дурного не было смысла. Димон спокойно согласился пойти к нему свидетелем, несмотря на вялые протесты невесты. Лепёхина почему-то имела твёрдую убеждённость, что один на другого плохо влияет. Вот дура! Да на Чибу невозможно повлиять в принципе. Или всё-таки ей удалось? После подачи заявления молодым подарили на размышление месяц, а свадьба состоялась уже через три недели! Гуляли в хорошем кафе, предки расстарались, особенно невестины усердствовали, «чтобы всё как у людей и немного получше» — салат, холодное, горячее, водка, вино, шампанское. Чибин отец быстро одурев от громогласных ритуалов, заманил Димона в тихий уголок, разлил по стаканам припасенный загодя «Слынчев бряг» с намерением излить душу.

— Я у него спросил, Сергей, куда ты спешишь, тебе же в армию скоро идти? Знаешь, что он ответил?

— Нет ещё!

— Давай выпьем, потом доскажу!

Они душевно чокнулись, смачно выпили и только Чибин отец навёл на Димона свою пустую левую глазницу с атрофированным веком, создавалось впечатление, что оно изнутри присохло прямо к мозгу, только он разинул рот, чтобы озвучить самую правдивую, на его взгляд, версию сыновей женитьбы, тут как тут налетела Чибина мачеха (его настоящая мать почему-то употребила уксус, когда Чибе случилось пять лет от роду), и утащила рассказчика в противоположный угол вместе с «брягом», где их ждали сватья. Настроение у Димона совсем испоганилось. Нелады с ним начались ещё в ЗАГСе, вся торжественная атмосфера которого, казалась, пропитана фальшью словно ядом. Затем нелепые покатушки по городку на чёрной «волге» с кольцами на крыше и куклой на капоте. Особенно прибили остановки у памятников с обязательным возложением цветков.

— На хера они «камню первостроителей», «ленину» и тем более «вечно живым»? — задавал резонный вопрос свидетель молодожёнам, но ответа не удостоился.

А вся эта муть с выкупом невесты, с идиотскими шутками, конкурсами, состязаниями! Да кому это надо?

— Да всем им смотри, как дети радуются! — жених тыкал пальцем в сторону разнузданных гостей.

Он давно заметил, что свидетель пребывает в том состоянии, когда любое неверное слово или действие какого-нибудь весельчака может спровоцировать драку, непременный атрибут удавшейся свадьбы. Но дозволить мордобой Чиба не мог, чтобы не расстраивать невесту. У него на неё имелись особые планы. За тот месяц, что молодые получили от государства на раздумье, она так и не подпустила будущего мужа к своему «сокровищу», откладывая встречу с «прекрасным» на брачную ночь. При условии, что тот будет себя хорошо вести. Потому жених сдувал с неё пылинки с самого утра, стараясь угодить во всём. И теперь сидя во главе стола, наговаривал в ухо товарищу, чтобы завернуть его дикий темперамент в мирное русло.

— Займись свидетельницей Димон! Смотри, как пляшет, а жопа какая!

Там и вправду было на что заглядеться. Невеста подобрала её в противовес себе — раза в два крупнее. Габаритная, дебелая, с идеальными, но чрезмерно большими глазами, ушами, зубами…

«В старости станет самой лучшей бабкой для Красной Шапки».

— Где Лепёха… то есть твоя жена её нарыла? Я думал Каширская свидетельницей пойдёт!

— Каша беременная. А эта подруга с музыкалки. Прикинь, у неё фамилия Кинцлер она немка!

— Ни хуя себе! Первый раз живых немцев вижу, до этого только в кино! Надо её напоить!

— Гляди аккуратнее, Танька немного ебанутая становиться, кода выпьет!

Жених обрадовался, его план сработал, свидетель заглотил наживку. Он ритмично подливал Таньке водку, хотя сам замахивал через раз, сводил её на пару медленных танцев, дабы установить контакт поплотнее. На ощупь она была ещё лучше, чем на вид. Крепкая, упругая, мясная, правда, хохотала, как дура, а так вполне себе ничего. Вот только по настоящему он, увы, не завёлся. Чего-то в ней не хватало. «Будь, что будет» — обречённо, как часто бывает по молодости размышлял Димон полутрезвой головой, когда по окончании банкета жених с невестой обязали его проводить новую знакомую до дома. Благо тот находился всего в паре трамвайных остановок. Усталые свидетели тащились по пустой Социалистической, главной улице рабочего городка, с удовольствием вдыхали полной грудью раннемартовский, ещё по зимнему стылый воздух. После прокуренного кафе хотелось продышать, продуть, провентилировать лёгкие с мозгами заодно. Танька подогретая водкой, не умолкала ни на секунду, порою даже орала на всю улицу, непрерывно разражалась громким утробным смехом. Он ей шёл этот смех — здоровый, задорный, заливистый. Расточая вокруг себя пыл, она сняла шапку, расстегнула пальто, выставила наружу на весенний лёгкий морозец крепкие налитые груди. Димон никак не мог оторвать от них взгляд, то и дело косил налево. «Вот это буфера! Немного пошарю в подъезде, да пойду домой, раз уж подраться не удалось». Абсолютно трезвая мысль в такой ситуации. А что? Хаты у него нет, вести кобылу некуда, на улице не май месяц, тогда какой смысл время терять? Они нырнули в маленький компактный район, в народе его называли «слободка». Два десятка ладных двухэтажный домов уютно разлеглись рядом с главной городской площадью. Построенные пленными немцами в начале пятидесятых, они сразу приглянулись заводскому и городскому начальству. Не долго думая, чтобы не пошли лишние кривотолки, руководители выдали пару-тройку ордеров передовикам, а остальные квартиры приспособили под собственные нужды. Хулиганы обходили это место стороной из-за пристального внимания милиции, старательно охранявшей покой облечённых жильцов. Впрочем, обычные трудящиеся тоже не особо любили здесь появляться лишний раз. По какой причине непонятно. Возле домов, имевших всего по одному подъезду и по две квартиры на этаже, по периметру насадили кустарник, за годы тот интенсивно разросся, создавая плотную живую изгородь. «Есть, где поссать!» — порадовался добрый м***о***лодец вглядываясь в тёмные аллеи. Пока они добрались до нужного адреса, красна д***е***вица успела рассказать, что живёт у тётки, а сама родом из какого-то райцентра. Без неё там остались родители, братья, сёстры, деды, бабки, деверя, золовки, шурины, кузины вместе с кузенами и кто-то ещё, но Димон потерял нить. Ему порядком надоели и разговор, и тема, и собеседница, очень хотелось попасть домой, что-нибудь почитать, а ещё лучше выпить, но найти в такой час выпивон не представлялось возможным. На ум пришёл недопитый «Слынчев бряг», а тут и жалость к себе подоспела. Он открыл деревянную дверь в подъезд, галантно пропустил даму вперёд. Не сговариваясь оба нырнули под лестницу, свет от тусклой лампочки туда почти не долетал. Тем лучше, темнота друг молодёжи. Явно готовая к такому развитию событий, Танюха поставила сумку с барахлишком на батарею, распахнула объятия во всю ширь, смело отдаваясь навстречу судьбе. Их тела сшиблись с треском, с искрами, даже чуть запахло палёной кожей. Димон почему-то считал себя опытным в любовных делах, во всяком случае в теории и прежде чем залезть под платье, решил уделить немного времени поцелуям. Сунул ей в рот язык, не встретив сопротивления решил развить успех, протолкнул вглубь в самую глотку, провернул пару раз по часовой. В общем по науке. Единственной проблемой во всём этом действе была его то ли апатия, то ли лень, то ли скука,

то ли сразу все три навалились и с ними он никак не мог совладать. Даже уд затвердел лишь наполовину. Удивительно. «Ещё оборот и буду лифчик расстёгивать». Нормальный план, но о нём не знала Танька. Не успел закончить круг в её гортани, как деваха безо всякого предупредительного выстрела или другого подобного манёвра, вдруг прихватила его язык прямо у основания своими лошадиными зубами. Намертво.

— Экь! Экь! — прокряхтел из рота в рот Димон.

Сквозь брызнувшие слёзы, он разглядел лучившийся безумью буквально в нескольких сантиметрах огромный зрачок.

— Ты чё бля дура? Отпусти меня нахуй! — зверея от боли проорал страдалец, но этот злобный текст остался понятным только ему одному. Для Таньки он прозвучал в виде мычания с повышением тональности в концовке. Наверное, поэтому её реакцией стал ярый, утробный, безудержный хохот. От безразличия до безрассудства Димону потребовалось несколько секунд. Осторожно, чтобы не спугнуть, он отлип от плотного девичьего тела, согнул правую руку под острым углом, сделал короткий замах, жёстко ткнул в солнечное сплетение. От удара она разжала зубы, резко вдохнула, согнулась пополам, прижалась жопой к батарее. В больших глазах на большом лице с большими ушами слезливо блестел большой вопрос — за что? Вместо ответа он высунул язык, яростно покрутил, затем зарядил ей тыльной стороной ладони прямо по губам. Бац! Замахнулся ещё на раз, но не стал продолжать, так и шагнул из подъезда вон с взведённой для удара ладонью. Хватит! По улице не шёл, летел, даже не стал останавливаться, чтобы отлить, как планировал. До дома решил дотянуть. Благо помог припоздниившийся трамвай, нагнал его прямо у остановки. Среди хмурых тружеников, возвращавшихся со смены «с четырёх», знакомых не нашлось. И хорошо, язык распух настолько, что пошевелить им он уже не мог при всём желании. Забросив в кассу три копейки, последний пассажир аккуратно вырвал билет из зубастой пасти, по привычке проверил цифры … 925187 — счастливый! Пришлось украдкой сожрать, невзирая на протест искалеченного органа. Потерпит, такой удачей не раскидываются.

Дома его встретила заспанная мать, в любой час дня и особенно ночи она выглядывала из кухни или спальни, чтобы зафиксировать, всё ли с её старшим блудным в порядке? В том смысле, что вернулся он жив, здоров и относительно трезв.

— Что-то ты слишком довольный, всё нормально?

На свадьбе лучшего друга она ожидала от сына всякого, потому удивилась.

Димон тряхнул патлами, вытянул вверх оба больших пальца, улыбнулся искренне, такой ответ устроил всех. Мать бесшумно прикрыла дверь родительской спальни, а сын проскользнул в большую комнату с диваном-кроватью, где он проживал в данный момент. У них в семье её называли зал. Помимо дивана здесь сосредоточились все основные фамильные ценности: полированная стенка с хрусталём внутри, два ковра на полу и стене, телевизор «Горизонт», большой раздвижной стол, настенные часы, люстра. В другой комнате точно такой же по размерам наречённой большой спальней, обитали бабка с братом Андрюшей. Когда-то вместе с ними ютился и Димон, но лет в пятнадцать старая спалила его одной майской короткой ночью за суходрочкой, окрестила бесстыдником, и, вероятно, после обсуждения данного эксцесса с дочкой-матерью, юного страдальца переместили в зал на диван. С той поры данная комната, несмотря на локальные стычки с отцом из-за телика, стала его основной средой обитания.

Полуночник наскоро избавился от надоевшего костюма с удушливым галстуком, «кто придумал эту херню?», проскочил в санузел, первым делом справил долготерпеливую нужду, немного ополоснулся, после чего вернулся на диван. Мать его загодя разложила, застелила, заправила. Под одеяло нырнул без промедления и заснул почти счастливый с тёплой мыслью о Таньке.

Наутро встал, как новый. Но сначала дождался, когда все разойдутся по своим делам — родители в погреб за провизией, бабка к соседке за новостями. Не хотелось попусту языком

ворочать, побаливал немного. Лишние время и силы на обязательные утренние процедуры тратить не стал (даже на толчке не засиделся ни секундой больше, чем нужно), обильно облился отцовским «Шипром», тщательно расчесал гордость всей своей жизни, надел свежий батник, новый джемпер, сверху куртку из кожзама, на голову серую каракулевую фуражку и был таков. За время недолгого перехода из шестого подъезда в восьмой успел выкурить половину сигареты вечно сырого «космоса». Обычно второй свадебный день гуляют дома у невесты, но из-за нехватки места традицию решили нарушить. По обоюдному согласию сторон ближайшие друзья и родственники собрались у жениха. Естественно, что пара свидетелей попали в эту касту. На дверной звонок отреагировала Женька — младшая сводная Чибина сестра.

— Где?

Женька кивнула на дверь в спальню родителей, а сама поспешила на материнский зов, доносившийся из кухни. Димон устремился к цели в полной уверенности, что за ней его ждёт молодая счастливая семья вместе с Танькой, он явно расслышал её кобылий смех. Ошибся. Друг против дуга в полной гнетущей тишине, во всяком случае так показалось гостю, сидели отец и сын. Разговор между ними, если и происходил, то весьма приглушённый, может даже шепотом. Вошедший застыл на пороге улыбаясь во всю ширь, совершенно не представляя, как нужно правильно поступать в подобной ситуации.

— Дмитрий, подожди пока на кухне! Попроси Свету, пусть она тебе аперитива плеснёт для разогрева! —

Чибин отец убедительно посмотрел на него пустой глазницей.

— Понял! — Димон не знал, что такое аперитив, но чутьё подсказало — надо брать.

Квартира родителей его друга точь-в-точь походила на ту, где жил сам Димон. Только вместо зала здесь у них находилась спальня, а вместо той спальни эти устроили гостиную. Так называлась комната с огромными от пола до пола книжными стеллажами. На них хранились только подписные издания в дорогих разноцветных переплётах, а остальной разнобой сосредоточился в двух книжных шкафах по одному на каждую спальню. Именно оттуда черпали заветное слово Чиба с сестрой, да все их друзья, включая самого Димона. Мушкетёры, Зверобой, два капитана Сильвер с Немо, Гулливер, Ихтиандр с остальными уходили отсюда по рукам, но всегда возвращались на место. Здесь существовал раз и навсегда заведённый порядок: пока не вернёшь одну, не получишь другую.

Сегодня стеллажи дабы уберечь самое ценное в доме, завесили белыми простынями, всё лишнее (два кресла, журнальный стол, телевизор с фикусом) вынесли, а взамен внесли несколько столов и табуреток. Большую часть заняли у соседей. Столы расставили строго по центру, табуретки по бокам на них настелили доски, набросали сверху чистого полотна, получилась столовая.

Чибина мачеха даже не спросила зачем он пришёл. Просто поздоровалась, сразу налила большую рюмку настойки на кедровых орешках, а на закуску предложила бутерброд с настоящей салями:

— Хочешь?

— Конечно хочу! Где достали салями, тёть Свет? — это название он уже слышал, но ещё ни разу в жизни не пробовал.

— Коллега ездила в командировку в столицу, у неё там кто-то из родни в торговле работает, дороговато, конечно, вышло, но что поделать.

Родители лучшего друга часто употребляли слова, которыми говорят только по телевизору или в кино. Димон в их присутствии предпочитал сначала подумать, а потом сказать, чтобы не сморозить невзначай чего-нибудь. Вот и теперь он не стал продолжать разговор, с удовольствием опрокинул рюмку, резво ополовинил бутерброд в один укус, но жевать пришлось аккуратно. Повреждённый язык ещё побаливал.

— Хорошо иметь блат, тёть Свет!

— Хорошо, — согласилась тётя-мачеха, но добавила от себя, что с блатом лучше всего сочетаются деньги.

И не поспоришь.

К бутерброду Димон выцыганил ещё стакан лимонада. В этом напитке ему особенно нравился первый глоток, когда шибало в нос ядрёным углекислым газом. Жаль, что насладиться любимой газировкой в полной мере не удалось. Где-то на полстакана в маленькую кухоньку влетела Танька.

— О! А можно мне тоже «буратино», Светлана Андреевна? Жарко! Пить охота!

Сначала она вытаращилась на бутылку, потом резко перевела взгляд на Димона. Если бы в человеческий глаз сумели вмонтировать нечто подобное лазеру, то эти двое вмиг пожгли друг в друге дыр, невзирая на щедрые улыбки с обеих сторон.

— Лимонада хоть залейтесь, а со стаканами беда, здесь один остался другие на столах в гостиной. Если только Дмитрий тебе свой уступит.

Она вопросительно посмотрела на свидетеля, но тот не успел даже слова сказать.

— Конечно, уступит, куда он денется!

Танька выхватила из его рук стакан, уверенно налила из открытой бутылки, выпила залпом, долила остатки, отсалютовала в его честь. Газвода закончилась, едва начавшись.

— Ещё? — хозяйка задала один вопрос на двоих.

Свидетели синхронно кивнули в ответ. Правда, Димон предпочёл бы сначала повторить настойку с бутербродом, но постеснялся озвучить желание. На столе появилась новая «чебурашка» «буратино», когда с неё слетела железная пробка, Танька наполнила себе в гранёный до краёв, а ему предложила допивать из горла. Ладно.

— Как там у них? — вдруг задала ей вопрос Чибина мачеха.

— Там какая-то дурь! Думаю, скоро пройдёт! — подруга невесты небрежно махнула рукой, давая понять, что проблема, на её взгляд, пустячная.

— Очень на это надеюсь, а то с минуты на минуту гости нагрянут! — Светлана Андреевна выглядела не на шутку озабоченной. Она продолжила шинковать капусту, предоставив молодёжи дальше разбираться самим. Те не стали тянуть. Первой начала Танька, когда поднесла палец к нижней губе, чтобы показать след от вчерашней зуботычины. Кстати, так себе припухлость одно название. Нужно очень сильно постараться, чтобы различить, что там вздулось под слоем помады. А вот отметины от её зубов чёрно-синего цвета, ещё как видны. В доказательство он высунул язык на всеобщее обозрение. Девица от восторга тряхнула густой рыжей гривой и заржала специфичным гортанным смехом. Стряпуха подпрыгнула у стола, резко развернулась, но Димон успел убрать язык обратно, потому она не ухватила причину демонического веселья, от которого побежали мурашки по коже. Хотела что-то сказать, но не нашлась, пришлось пригрозить весельчакам ножом, да вновь вернуться к капусте, а что ещё оставалось делать. Ну, нервишки подлечить можно, если шалят, тёть Свет!

Ожидаемый звонок, как всегда раздался неожиданно.

— Евгения, иди открывай! Татьяна, давай к подруге на помощь ей на выход пора!

На правах хозяйки дома Чибина мачеха громогласно навела суету. Танька живо ускакала в логово невесты, под него отдали большую спальню, из гостиной выскочила Женька по направлению к входной двери, а сама она отложила нож, сняла фартук, одетый прямо поверх праздничного наряда, тщательно вытерла руки, взбила причёску, нацепила улыбку под очки и только тогда шагнула навстречу гостям. Лепёхинские явились всем составом. Димон ещё вчера отметил слаженность и слитность данной группы гостей. В целом уровень их подготовки можно смело назвать профессиональным. Без лишних слов, движений, толкотни, как-то разом все они разулись-разделись, перетекли в гостиную, заняли самые хлебные места. Двух минут не прошло, стали требовать жениха с невестой, без них ведь не выпить, ни тем более закусить. Разогретый аперитивом Димон, всем своим добрым сердцем почувствовал, как он с ними

солидарен. Свадьба должна продолжаться несмотря ни на что. Посчитав, что без него точно не обойдутся, убедительно поднялся с табурета, отвесил два широких шага в сторону комнаты, где укрылся жених, но на третьем застыл, как вкопанный. Обе двери обеих спален синхронно распахнулись, оттуда появились новобрачные со своими секундантами, причём у невесты их насчиталось в три раза больше. Молодые сцепились взглядами, между ними начался поединок. Сперва повёл муж, в голове у Димона даже промелькнула радостная мысль — «сейчас въебёт», ведь он отчётливо видел в каком состоянии находится его друг, но застольная группа поддержки невесты обломила весь кайф. В самом интересном месте, как по команде зарядили задорно-заразное — ГОРЬКО! И Чиба поплыл! Спрятал взгляд на невестиной тощей груди. Она, поначалу нервно вилявшая хвостом, тут же сбросила шкуру побитой собачонки, в мгновенье ока превратилась в матёрую суку, схватила укрощённого за руку и потащила к гостям. Свидетелю пришлось проследовать за ними, у него почему-то стало портиться настроение, пока он занимал своё место по левую руку от жениха.

Когда все расселись, мордатый активист из лепёхинских постучал вилкой по стакану:

— Ну, что все собрались? Тогда есть предложение!

Гости со стороны молодой сидевшие за столом в подавляющем большинстве, восемнадцать против восьми, обеспечили тамаде громогласную поддержку. Тот не стал понапрасну тратить время, понёс загодя заученную чушь, какими-то скучными, затёртыми, казёнными словами про любовь, ячейку, цветы жизни. Будто в сельском клубе прочитал по бумажке отчёт о надоях за третий квартал. Правда, кое-что интересное всё же припас на концовку. По его сигналу одна из родственниц Лепёхи метнулась в прихожую, притащила большую стопку блинов, примерно штук двадцать или около того, сверху и снизу накрытых самыми обыкновенными тарелками. Тамада выхватил у неё ношу, с трудом протиснулся сзади сидевших гостей, вклинился между женихом и свидетелем, расчистил место от лишней посуды, поставил блины перед Чибой. Поправив верхнюю тарелку, хлопнул его по плечу со словами:

— А сейчас скажет мама невесты!

Лепёхинские дружно поприветствовали мать-героиню. Плоская, как доска, Димон хорошо её помнил со школы, она возглавляла родительский комитет, где сворачивала кровь хулиганам и двоечникам. Резво подскочив на жилистых кривоватых ножках, новехонькая тёща затараторила про то, как холила и лелеяла, как берегла, как зеницу ока, как не спала ни днём, ни ночью мечтая породниться с такой приличной семьёй. Наконец под слезу с аплодисментами объявила, что готова предать кровиночку в надёжные руки зятя.

«Какой-то съезд КПСС».

— А теперь мама жениха! — мордатый держал темп.

— Лучше папа, — поправил его Чибин отец, в кратком ответном слове выразив надежду на долгую счастливую жизнь.

— А вот жених благодарит родителей невесты! — проорал тамада прямо над ухом Димона.

«Может ему по яйцам дать?»

Состояние другана вызывало у свидетеля крайнее беспокойство, судя по всему тот продолжал балансировать на грани безумия. Глаза горели, щёки алели, зубы стучали, руки тряслись. Чиба медленно встал под прицелами въедливых взоров, не поднимая головы, ни к кому не обращаясь, проскрежетал зубами:

— Спасибо мама и папа за… вкусные блины!

Своей рабочей левой молодой со всей дури звезданул по тарелке. Удар пришёлся не по центру, а чуть правее, из-за этого кулинарные изделия кинулись врассыпную на тех, кто сидел по левую руку от жениха. По порядку: Димон, отец Чибы, мачеха, Женька, да двое полуинтеллигентных коллег отца с жёнами. Досталось, вполне естественно, всем по разному, кому больше — мачехе с Женькой, кому меньше — коллегам с жёнами, но всё равно самым неви-

новным. А впрочем, это частая история в наших краях, никого ей не удивить. Лепёхинские дружно обрадовались свершившейся инициации, поаплодировалывыпилизакусилиповторили, а сторона жениха в полном составе удалилась на кухню, соскабливать с себя блины. Вслед за ними проследовал Чиба, в горячке он не сразу заметил, что порезал руку в трёх местах. В ванной над ним хлопотали молодая жена с тёщей на пару. Называли его Сереженькой, безо всякого зазрения сюсюкали, заискивали, пресмыкались. «Этот дурень только что спас их самих и всю сучью свадьбу!» Димон забрёл сюда в поисках израненного друга. Две мормышки осетили его своею лестью по самую макушку, а он, высокий блондин с голубыми глазами стоял, возвышаясь над ними ростом, но не умом. И в придачу улыбался, как дурак. «Вот оно счастье». Невольный свидетель закрыл дверь с чувством лёгкой гадливости от подсмотренного. Чудесное настроение, что поселилось в нём с раннего утра, растворилось без следа. Пока дожидался, когда молодые вернутся на свои места, ясно осознал, что из этой гнилой ситуации есть только один выход.

«Наебениться!»

Только за водкой пришлось тянуться, бутылку «старорусской» зачем-то водрузили напротив невесты. Когда схватил её за горло, случайно пересёкся взглядом с Лепёхой. Глаза у той искрили победой, а по губам ползла змеиная улыбка. Стакан отмёл у Женьки, она не особо возражала, попивая из хрустального фужера шампанское, как большая. На дне гранёного плескался «буратино», пришлось допить, не выливать же обратно. Сразу туда больше половины водки бульк, в один глоток её ух, огурцом солёным с вилки хрясь!

Нормально пошла!

Тут же шепоток в правое ухо.

— Ты на водяру не налегай!

— Почему?

— Когда народ из-за стола расползётся, мы с тобой её в ванной допьём!

— А здесь что мешает? Тебе налить?

— Не надо! Нина попросила не пить!

«Нина попросила!? Пиздец! Ты только второй день замужем, а уже в ванной прятаться собрался? На хуя тебе такая жизнь? Лучше Лепёхе въеби разок, как хотел, да пойдём отсюда на хуй! Заодно и тамаде ебало начистим!»

Ничего не сказал Димон, что тут скажешь, только пристально посмотрел на друга, а тот взгляд отвёл. Раньше никогда так не делал. Да. Стоит только раз начать, потом не остановиться.

Но в ванную всё-таки попал. С Танькой. Когда часть гостей, что помоложе переползла в большую спальню, где поставили катушечный магнитофон «Романтика», свидетели во время медленного танца договорились встретиться в сумеречной зоне совмещённого санузла. По её инициативе. Там ещё Чибина кровь не высохла, а он уже шарил в лифчике и трусах партнёрши, но язык держал за зубами. Наученный.

— Тётка сегодня в ночную поедем ко мне? Всё будет! — она схватила его за причинное место.

Димон аккуратно убрал девичью руку от греха подальше, наобещал ей с три короба, чтобы поскорее вернуться за стол. Там ещё было. Потом ещё, ещё и ещё. А когда, как говорит отец, капуста всплыла, нужно срочно идти домой, чтобы не свалиться под стол ненароком. Собрав в кучку остатки воли и разума, свидетель незаметно для окружающих оделся-обулся и тихохонько исчез. Рассудок покинул его ровно в тот момент, когда вставлял ключ в замочную скважину. На следующий день Па от души глумился над старшеньким, в красках описывая, как вся семья, включая бабку с Андрюшей, тащила его на диван, как он блевал в эмалированный таз, как стонал от головокружения, как клялся, что больше в рот не возьмёт, как плакал над своей нелёгкой долей, чем особенно радовал близких. Проснулся на удивление со свежей

головой, почти здоровым снаружи, но растоптанным, расплющенным, растёртым, растерзанным, распятым изнутри.

Первое, что пришло на ум из вчерашнего: в ванной Танька чувственно плевала ему в лицо, пока он мял её железобетонные сиськи.

— Нинка дура! Говорила ей, дрожжей туда напихаешь и снова девочка! А она упёрлась — пусть любит какая есть! Идиотка! Я боялась, что Серёга ей по роже звезданёт вместо тарелок!

— А я надеялся!

Он знал о Чибиной мечте заломать целку будущей жене. Вполне вероятно, из-за наличия данной бесценности его выбор пал на Лепёху. Ну, а из-за чего? Не красавица, отличница, комсорг! Кому же ещё быть целкой в этой стране, коли не ей? И вот. «Да уж лучше совсем не жениться. Эти уёбищные традиции, обряды, ритуалы. Как в ЗАГСе началось, так потом продолжалось всю дорогу. Кругом одно враньё. Лукавая власть пиздит нам с утра до ночи изо всех щелей, а мы рады стараться, за ней подпёздываем. На лозунги посмотришь — всё для народа, а на самом деле? В магазинах ни еды хорошей, ни одежды, ни обуви, ни хера нет. А на на то, что есть смотреть тошно». Странно, никогда Димон особо не увлекался крамолой, во всяком случае не больше, чем остальные, а тут, как с цепи сорвало. Твёрдо решил, что коммунизм больше строить не будет. «Без меня обойдутся». Жёстко так припечатал. А ведь родина его зачала, родила, вскормила, взрастила, воспитала, выучила, профессию в руки дала — на, трудись ей во славу! Ан нет. Не захотел. Поднялся, помылся, побрился, рванул в военкомат. Неделю назад при посещении этого малоприятного для молодого советского гражданина учреждения, ему предложили поработать здесь в оставшееся до службы время. Да хмырь один, когда-то вместе в художественную школу ходили. Перед очередным призывом в военкомате требовались люди с хорошим почерком и умением рисовать стенгазеты и другую наглядную агитацию. Димон умел, но неделю назад предложение хмыря отклонил. Не видел для себя отчётливых перспектив с одной стороны, а с другой чувствовал в себе наличие идеалов. Теперь же, когда идеалы рухнули, то на перспективы стало плевать, есть они или нет — не имеет значения. А вот сохранение зарплаты «по среднему» очень даже прельщало. За те же деньги не надо работать в смену по двенадцать часов. Ещё раз: деньги те же, а работа другая! Даже нет не другая, её вообще нет! Написал двадцать-тридцать повесток, рассовал в конверты, те тоже подписал и то, только куда-кому, вместо обратного адреса шлёпнул штамп военкомата, и пинай балду! Стенгазеты каждый день рисовать нет нужды, они подолгу живут. То есть после обеда ты уже, как птица в полёте. И это не всё, ведь есть ещё манна небесная. Хмырь, когда его убалтывал, открыл большой ящик стола полный водки.

— !?!?!?

— Приходит к тебе какой-нибудь чёрт, ты даже не помнишь, где его видел, задаёт вопрос: нельзя ли отсрочку от армии выправить или наоборот в ближайший призыв свалить, а то менты заебали? Ты говоришь, почему нельзя тащи пузырь!

— И что, получается отсрочку сделать? — Димон с недоверием отнёсся к его самохвальству.

— Отсрочку — на раз поссать! Вот в ближайший призыв свалить проблема, желающих немерено. Сам увидишь. Иди к военкому, а то он уже весь мозг выебал вопросом — где твой человек? Я был уверен, что ты придёшь, только чего так долго?

Капитан без лишних слов напечатал под копирку необходимую бумагу с текстом: мол такой-то Димон незамедлительно изымается из народного хозяйства для нужд советской армии с сохранением зарплаты по-среднему, поставил штамп в верхнем левом углу, печать в правом нижнем, расписался, после чего бумага приняла надёжный официальный вид. Удачливый соискатель тёплого места схватил серьёзный документ и помчался в локомотивное депо, где в настоящий момент трудился в качестве помощника машиниста тепловоза, чтобы успеть попасть к начальнику смены до начала планёрки. Успел.

— Ну и нахуя ты мне эту хуйню притарабанил? — гневно, грозно, громко вопрошал начальник носивший странную фамилию Нетёса, — нахуя я тебя спрашиваю? Что ты в военкомате собираешься делать?

— Работать!

— Рабо-о-о-тать? А здесь вместо тебя, кто будет работать? Пушкин, блядь!

Точно не Пушкин, тот тоже не мог, а кто другой? Димон не знал. Но он знал, что помощников маловато. Из последнего выпуска в ПТУ, где он тоже имел счастье страдать, их оставалось только трое из восемнадцати ребят, трудившихся по специальности. Остальные любыми путями отмазались. Кто-то сразу поступил в железнодорожный институт, кто-то свалил в армию, кто-то сослался на слабое здоровье. Тот же Процен прикинулся дальтоником и теперь слесарил в депо с восьми до семнадцати. Посмеивался по доброму, скотина, когда встречал дружбана, бредущего в беспамятстве после ночной.

— Ну, что ты молчишь, скажи, что-нибудь! — багровея пучил глаза Нетёса.

— Народ и армия едины!

«Мне нечего сказать. Мне насрать, кто вместо меня сегодня пойдёт работать в ночь. Сам иди, если некому, выполняй свой сраный план — пятилетку в три года. Больше на этом заводике моей ноги не будет. С этого дня я другой, я не хочу таскать вагоны с рудой с сортировки на мартен, где из неё выплавят высоколегированную сталь, чтобы сделать говёные пушки. Пошли вы все в жопу».

Нетёса тяжело подписал заявление, Димон легко снёс бумагу в отдел кадров и через полчаса они с хмырём и военкомом обмывали его новую должность. От утреннего раздрая внутри не осталось никакого следа.

Хмырь не обманул, пойла хоть залейся, каждый день на кочерге. Втереться в доверие к военкому удалось достаточно быстро, стоило только раз обратиться к нему — «ваше благородие». Лысый, пузатый, вечно потный капитан считал себя духовным наследником дореволюционного офицерства. После обеда приняв на грудь, по обыкновению сваливал домой на сиесту, но к шести неизменно появлялся, чтобы собственноручно опечатать военкомат. Такую ответственную процедуру не мог доверить никому. Димон с хмырём предоставленные сами себе, тоже накатывали под горячие пирожки с ливером, а потом принимали посетителей, если таковые имелись или дулись в свару на щелбаны. Можно было сказать, что жизнь удалась, если бы не одно досадное недоразумение. Родители или штрихи, как стало модно называть данную категорию граждан в последнее время. Пока старший сын со товарищи нажирался раз в неделю или того реже, родоки закрывали глаза на подобную шалость — что поделать на том и стоит класс рабочий. Но когда тот решил, что не хочет быть, как все и взял за правило ежедневно приходить пусть не в говно, но под градусом, мать всполошилась не на шутку. Вслед за ней и Па бровки ссупонил. Вскоре на кухне состоялись трёхсторонние напряжённые переговоры, где на все многочисленные доводы старших звучал только один ответ — хочу пью, хочу не пью, мне скоро в армию, моё дело. Переговоры завершились безрезультатно, между отцом и сыном началась холодная война. Понятное дело, что не вчера. Димон, к примеру, вёл свой отсчёт с прошлой осени, когда он прикупил себе джинсы у барыги. Отец во время очередного сабантуя с участием многочисленной родни, жёстко высмеял не только отпрыска, но и всё его поколение, обозвав их долбоёбами. В его голове не укладывалось, как можно было отвалить столько деньжищ за подобное непотребство.

— В своё время я бы пошил двубортный бостоновый костюм, драповое пальто, да ещё на фуражку с бутылкой хватило, чтобы обнову обмыть!

Дальше последовал резкий нецензурный упрёк в адрес молодняка, забывшего о тяготах и лишениях выпавших на долю старших в борьбе с врагами трудового народа.

«Да мне насрать на твоё время, теперь оно наше, а нам нужны джинсы, рок-н-ролл, длинные волосы, всё, что вы ненавидите!»

Ничего не ответил Димон, но взгляд не отвёл и отцу реакция сына не понравилась.

Но тогда обошлось, а теперь он возвращался домой, как можно позже, когда в телевизоре заканчивались все фильмы или телепередачи и семья расползалась по спальням. Чиба подло женившись на Лепёхе, вытащил на свет ещё одну проблему — не с кем стало пить, курить, говорить. Приходилось, где-то шляться, даже в кино сходил пару раз, но там попеременно крутили или старьё, или херню, так что с выбором было не густо. Грустно. Нечем заполнить дыру в душе размером с космос. Сегодня на выходе из военкомата к нему подошёл один давний знакомый, когда-то учились с первого по третий класс, попросил устроить отсрочку от призыва, сунул в руки бутылку, а куда её девать, дверь капитан уже опечатал. Теперь водяра булькает в кармане и Димон нарезает круги по двору в поисках собутыльников. На четвёртом заходе наконец услышал за спиной знакомый клик:

— Сидор!

Голос принадлежал кому-то из братьев Харьяновых или «харьков». Он остановился, дождался, пока тот подойдёт, но когда из темноты вынырнула вся троица, не очень-то удивился. После дежурных рукопожатий старший из них Михяй сходу взялся за рога:

— Есть, чё бухнуть?

Вопрос «харёк» задал скорее машинально, не особо надеясь на чудо, а едва увидел непочатую поллитровку, от восторга завопил на весь двор матерным. Страждущие души упорхнули со света на тёмную сторону, раздавили пузырь за один подход. Для четверых почти ничего.

— Больше нет?

— Нет! Но завтра литр будет. С вас закуска!

Добазарились. Примерно с час ещё шныряли по окрестностям в поисках чего-нибудь на жопу,

не подфартило.

Уже дома ворочаясь с боку на бок перед тем, как заснуть, Димон немного подумал о прошедшем времени. Дружба с «харьками» никогда не входила в его планы, с ними не возникало душевной близости, не находилось общих интересов, хотя жили в одном дворе, учились в одном классе. «С другой стороны выбор невелик или хмырь, или эти». По тупости они примерно равны, но в дикости «харьки» превосходили хмыря кратно. «Зато с теми хоть отбиться можно, если что, а с хмырём так прилипнешь, не ототрёшься потом». Ещё позабавило воспоминание, как пытался объяснить безмозглым братьям, почему он решил стать другим человеком. Само собой те ничего не поняли и даже не собирались понимать, прервав его в самом начале вопросом слегка заикавшегося братца Вовяя:

— Сидор, ты чё г-гонишь?

Назавтра «харьки» пришли все. Суки. Даже пожрать притащили, как договаривались. Четыре рогалика по пять копеек, да банку зелёного горошка «мазаре верде консервате». Наверняка, где-то спёрли. Только, как открыть консервную банку, никто из них не подумал. Благо, какой-то случайный пионер возвращался домой со школы, пока они уютно располагались в подъезде. Ему прилетело мгновенно.

— Слышь, пиздрон, мухой открывашку принёс!

Школьник понимал, какие его ждут последствия, если не выполнит поставленную большими пацанами задачу. Он инстинктивно ускорился вверх по лестнице, пяти минут не прошло, как спустился с консервным ножом в руке. Сам же и вскрывал банку, пока Михяй по кличке Шпеля, он немного шепелявил, распоряжался водкой.

— Сидор, давай ты первый, ты добытчик!

Димон сделал добрый глоток, передал бутылку по кругу, пальцами выгреб из банки несколько горошин, отправил в рот, откусил хрустящую жопку у рогалика — ништяк! Вот, если бы ещё «харьки» не орали на весь подъезд. Средние братцы близнецы Вовяй и Серяй постоянно рубились между собой. До сих пор не могли договориться, кто из них первым вылез

на белый свет с разницей в пятнадцать минут. В роддоме, пока мать отходила от тяжелых родов, акушерка проявила халатность, не сразу нацепила бирки на руки, а потом запуталась в детях. Поэтому, каждый считал себя вторым после Шпели, а для непутёвого семейства и всех остальных они оба являлись средними. Сколько Димон помнил, братская троица всегда шлялась неопрятная, прыщавая, грязная, рваная. Они до всех докапывались, ко всем придирались, никогда не стремились ничему научиться, не читали книг, не слушали музыку, не ходили в турпоходы, не ездили в пионерлагеря. Но без них не обходилась ни одна дворовая ссора, склока, свара. Причём, что характерно, когда наступал час расплаты за содеянное никто, никогда не брал вину на себя, наоборот, старался свалить на другого. Когда поблизости находился кто-то чужой, «харьки» дружно закладывали его, а если рядом никого не стояло, брат с не меньшим удовольствием валил на брата. Кто попался получает всё. Отец «харьков» дотошно определял виноватого и сдирал с одного три шкуры за всех. Давным-давно ему пришлось отмотать трёшечку «ни за что».

— Все били, а замели меня!

Теперь своей главной задачей он считал научить сыновей лжи, обману, подлянам, подставам, мухлежу.

— Наеби ближнего ибо придёт дальний и наебёт тебя, и возрадуется на горе твоём! — выписывал сынам универсальную путёвку в жизнь, хвативший от неё сполна родитель.

Близнецы азартно рвали друг у друга банку, пока она не упала на пол. Школьник, ему дали два раза глотнуть из горла и три раза затянуться, окосел, да так, что едва стоял на ногах. Димон спровадил его на четвёртый этаж, строго настрого запретив дышать на родителей.

— Сразу в ванную ты понял? Выпей воды из-под крана и почисти зубы! Понял?

— Поэл! — пацан резко мотал головой в ответ.

Дверь за ним закрылась, но Димон ещё немного постоял на площадке, спускаться вниз, откуда крики и вонь от дыма дешёвых сигарет разлетались на весь подъезд, не спешил. Желание пропало, вместо него появилось раздражение. На себя прежде всего. «Что я здесь делаю?» Внезапно шум затих. Интересно, почему? Да, потому что «харьки» быстро допили остатки, они всегда сладки, если верить народной мудрости. Решили не дожидаться товарища, чтобы самим больше досталось. Гнилую сущность даже не думали прятать. После них на заплёванном бетонном полу валялись бычки, раздавленный горошек, пустые бутылки, банка, да разорванная в клочья, сворованная «Правда». «Зверьки, что с них взять». Димон без какой-либо досады покинул засранный подъезд, постоял на ветру, подышал свежим воздухом, искать бывших собутыльников не собирался. «На сегодня приколов достаточно». Но раз домой идти пока рановато, решил прогуляться по двору. Только повернул за угол, чуть было не нарвался. Да на «харьков», на кого же ещё. Они цеплялись к двум парням, которых Димон не узнал. «Или не наши, или в темноте не видать». Оставаясь в тени, попытался осмыслить дальнейшие действия, насколько позволял затуманенный водкой разум. Вариантов насчитал ровно два. Подойти, попробовать пресечь назревавшую драку или просто повернуться и уйти, как ни в чём не бывало. «Да пошли они. „Харьки“ никого не убьют, не покалечат они ссыкуны. Ограбить могут, но это не смертельно». На удивление легко пришло решение. Пошёл прочь! Не мешкая ни секунды, в противоположную сторону от угла дома, где вот-вот должен состояться неравный бой. Бесконечно длинный дом позволял находиться в абсолютном неведении тем, кто спокойно проживает в восьмом подъезде о том, что творится в первом. Где-то посередине в районе четвёртого-пятого он услышал, как за спиной началась суета, вопли, свист, топот, но оборачиваться не стал. Прочь! Прочь! «С этими козлами надо будет немного притормозить, через раз бухать, а то и через два». Хорошо, что на завтра ничего никому не обещал, не успел, иначе пришлось бы за базар отвечать. Так отец учил, быть хозяином слову.

— Дима, привет! — звонкий девичий голос вырвал из былого и дум.

Прямо перед ним улыбались Чибина сестра Женька с подругой.

— Это Наташа!

— Здорово! — он уставился на обеих сразу, вдруг сообразив, что вместо субтильных малолеток, прямо перед ним стоят две сочные ладные чувихи.

«Ого!»

Неожиданное открытие ввело в лёгкий ступор. На вопрос, как дела не ответил совсем, а из себя удалось выдавить только, что-то про Чибу.

— Не приходил уже две недели или даже больше. Последний раз его видела на восьмое марта.

Женька предложила прогуляться с ними, но Димон отказался, сославшись на какое-то срочное дело. Развернулся и прочь, прочь.

— Пока Дима! — хором прокричали ему в спину девицы и упорхнули в ту сторону, откуда он пришёл.

Даже несколько шагов не успел отойти, снова — здорово. Мысль догнала. «Куда они, там же „харьки“, надо было вместе пойти на всякий». Остановился. Развернулся. Шагнуть собрался, но запнулся. В нужный момент вспомнился вчерашний разговор с гнилыми братьями. Двое из них Шпеля и Вовяй жестко поддевали третьего Серяя, за его пристрастное отношение к соседке по площадке. Всё бы ничего, но мать у неё работает в суде и категорически запрещает дочери общаться со шпаной. «Так это же и есть Наташа!» Димон вглядывался в силуэты удалявшихся подруг, особенно той, что справа. Её упругая жопа в белых брюках, чётко выделялась на тёмном, вечернем фоне.

«Ого!»

Ну, а что ты хотел? КМС по лыжному спорту, Женька рядом с ней покостлявей будет, но тоже ничего.

Прошлым летом Чиба настучал другу на сводную сестру:

— Прикинь, она утром вылезает из-под одеяла в одних трусах, а у неё сиськи торчат, как у настоящей! Шляпа до сих пор дымится!

— У кого?

— Ты чё дебил? У меня, у кого же ещё!

И ему пришлось, как когда-то Димону, переезжать в другую комнату на свежекупленную кресло-кровать. Получается по той же причине. Что делать — возраст.

Наконец обжигающе-прилипчивый взгляд достиг цели, подруги ощутив его на себе, резко развернулись, увидели, как он пялится им вслед, радостно захохотали в ответ. Димон, несмотря на полупьяное состояние, чуть не сдох от стыда. «Это какой-то капец!» — мелькало в его голове, пока не остановился на другой стороне дома, сбив дыхание. Сигарета и вовсе была лишней, кашлем так прорвало, пришлось, выкидывать едва прикуренную. Когда отплевался, отдышался, осмотрелся, наступила ясность — он застыл прямо под лепёхинским окном. Их дома располагались параллельно, тыльными сторонами по отношению друг к другу в ста пятидесяти метрах. Между ними раскинулись говённые газоны, никто за ними не ухаживал, как за дворовыми, не сажал цветы и травы, так и стояли заросшие сорняком да бурьяном. Тротуары с дорогой также имели неприглядный вид. Задворки. Димон вглядывался в окно, где за жёлтыми шторами горел свет. В тот единственный раз, когда они с Чибой виделись после женитьбы, он приходил в военкомат договариваться об отсрочке от армии, между ними состоялся полный взаимонепонимания диалог.

— Чем вы с ней занимаетесь по вечерам?

— Разговариваем!

— Весь вечер?

— Весь!

— Каждый день?

— Каждый!

От такого времяпрепровождения, на вкус Димона, можно и нужно сойти с ума нормальному пацану. Но Чиба так не считал, утверждая, что столько кайфа не ловил никогда в жизни. И это в маленькой комнате двухкомнатной квартирке, где для того, чтобы сходить поссать, нужно пройти через проходную. Проходную! Как на заводике! Только здесь тесть с тёщей дежурят у телевизора заместо вахтёров. Тоска. Куда ни кинь тоска. И ничего не мог с ней поделать Димон, как ни бился, ни старался. Эта сука вцепилась мёртвой хваткой несмотря на раннюю пасху, притащившую с собой буйную, скоротечную весну. Даже «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», милостиво подаренные богомерзкой властью в ночь на тлетворное воскресенье, не смогли осчастливить, как обычно. Что-то внутри у него надломилось.

Чик!

Хотя, их совместный с «харьками» культпоход на городское кладбище в тёплый пасхальный день, с уворованным в пьяном угаре тяжёлым деревянным крестом, выкрашенным в небесно-лазурный цвет, который на хлипких плечах в обход жилых кварталов они протащили прямо по степи несколько километров, чтобы не нарваться на ментов и потом водрузили в беседке посреди двора, навёл изрядного шороху на всю округу, но и этот дерзкий манёвр сумел отвадить зелёную всего лишь на пару дней.

К тому же отношения со штрихами привносили свой гнилой душок. И если частые пикировки с матерью проходили в вялотекущем режиме, то редкие стычки с отцом крепчали раз от разу. Однажды в гневном порыве он проорал сыну прямо в лицо:

— Ты заводик наш предал!

— Да не предавал я его! Как ты до сих пор не поймёшь, нельзя что-то предать, если тебе на это насрать!

Отца после тех слов, как обухом по голове ударило, мать испугалась, что кондрашка хватит. Но нет, обошлось. Только бел стал, как мел глава семьи, сжал кулаки до посинения, но удержался от дурного, пусть и с огромным трудом. Его можно понять. Много лет назад после службы во внутренних войсках, он примчался на только что склёпанный заводик по зову беспартийного сердца за длинным рублём. Окопался здесь, обжился, обучился, сталеваром стал, да каким. Гвардеец труда! В честь одноимённой заводской газетки. Заводик дал ему всё в этой жизни и он решил отплатить ему всем. Династию основать. Старший сын, по его разумению, как раз годился на роль продолжателя, в отличии от младшего, тот не мог. А этот не хотел. Да, как же так? Да, так как-то.

«С чего мы должны идти по стопам отцов след в след? Они вообще знали, куда идут посреди стада под названием советский народ?»

Иногда зрелые мысли посещают и незрелые головы. С одной стороны логично, а с другой? С другой заждались все, включая самого Димона, когда уже заберут в эту дебильную армию. Ведь с таким поведением можно до зоны быстрее добраться. Тот пасхальный «крестный ход» устроил знатный шухер во дворе. На следующий день прискакали менты на «козлике», бабок у подъездов расспросили, сфотографировали беседку с разных сторон, крест забрали с собой. Пошёл слушок, всю четвёрку заметут, но делу ход не дали почему-то. Не захотели, видать, демоны на церковную мельницу воду лить. Родители Димона в эти светлые дни пропадали на огороде, рассада зеленевшая на подоконниках с февраля, ждать не будет. Работу на заводике, опять же, никто не отменял, а дома приготовить, покормить, прибрать, помыть, постирать, подшить, полежать, почитать, посмотреть, покурить надо. Так что закрутились, а когда от бабки до них дошла уже не новая новость об очередной выходке старшего, он о ней успел подзабыть. Потому и нападки воспринял, как не вполне заслуженные, протухшие за давностью.

— Что же ты нас позоришь перед всем двором, Дим? — причитала мать, — с Харьяновыми на одну доску поставил. Людям в глаза смотреть стыдно! А если в заводоуправлении узнают? Твой отец передовик производства, я в профкоме состою, а сын у нас оболтус, прости господи! Когда ты уже в армию уйдёшь?

— Да скоро, недели через две сразу в первый заход!

— Только бы ничего не случилось!

Не случилось. Проводы решили устроить в самый день отъезда. Наготовили угощений, нагнали самогона, позвали родню. Отец, когда сам в городке обжился, перетащил сюда из деревни своих родителей, двух братьев, трёх сестёр. Вскорости все переженились, замуж повыходили, Димон едва родившись, стал частью целого клана. Так что гулянку надо устраивать, хошь не хошь. Никто не поймёт, если зажмут, все готовы выпить и закусить на халяву. Единственный, кому проводы, что серпом по яйцам — призывник. В гробу он видел эти родственные рожи, кое-как час с ними высидел, материл внутри себя всех, а отца особенно за то, что заставил участвовать. «Почему я родился в такой семье? Скучно, неинтересно, только и разговоров, что про работу и жратву. Вот у Чибы на дне рождения абсолютно по другому, книги обсуждаются, фильмы разные, музыку новую слушают. Те родители могут обо всём поговорить, а эти…» Как только тётки с дядьками порозовели и отвлеклись от виновника торжества, тот схватил бутылки с самогоном и тикать. В беседке пацаны измаялись в ожидании. Чиба тоже там! Они вместе на службу уходят! Вот это поворот! Да, такого никто себе представить не мог. Чуть больше недели назад, когда весь призывной контингент был набран, свёрстан, ранжирован в военкомат припёрся Чиба и с порога предъявил Димону, чтобы тот забрал его в армию вместе с собой.

— Ты охуел, Чиба? Мест нет, документы на всех готовы, думаешь военком станет из-за тебя своим пузом трясти?

— Найдёшь место! Ты мне друг? Друг?

— Да друг, не ори! Зачем тебе армия, если ты сам недавно на отсрочку напросился?

Чиба ничего не ответил, только отвёл полный ярости взгляд. Ясно, вопросы бессмысленны надо искать выход. О, да вот он!

— Хмырь, иди сюда!

— Почему я? Мне тоже надо!

— Пизды получишь!

Сильными, весомыми аргументами удалось убедить слабохарактерного хмыря, отказаться от места в строю в пользу друга. Сложности возникли с военкомом, но с помощью дешёвой, грубой лести получилось взять и этот редут. Всю оставшуюся вольную неделю кореша провели вдохновенно, кучеряво, продуктивно! Как раньше! Потому и рвался из-за застолья в свою честь к пацанам, чтобы насладиться последними гражданскими мгновениями. Три бутылки по кругу уговорили за полчаса, вполне понятно, что у всех зудело, где бы ещё догнаться. Димон знал где, у себя дома в ванной с холодной водой, но пробраться туда незамеченным не представлялось возможным. Эх, вот бы шапку-невидимку поиметь! Для таких случаев она крайне необходима.

Наконец в начале двенадцатого родня в полном составе вывалила из подъезда. Несмотря на подвыпившее состояние Димона сходу опознали и потребовали, чтобы тот уделил им время для наказов, назиданий, напутствий, наставлений. Скрепя сердцем, пришлось идти к ним под жёстким градом подъёбок от «харьков» и компании. Сука, пока со всеми не перецеловался, пока не выслушал от двух дядей с тремя тётями десятки, а то и сотни глупых, пустых нетрезвых слов, пока не наобещал с три короба честно служить отчизне, те не отцепились. А из беседки непрерывно нёсся едкий, колючий смех, как казалось в его сторону. Приходилось отнекиваться, отбрыкиваться, отторгаться от душной родственной заботы. Ну, пацаны же смотрят, ну! Давно бы к ним сбежал, но отец соглядатаем стоял рядом, дёргал за патлы:

— Ты постой, послушай, что наказывают тебе тёти Вера, Надя, Люба, да дяди Миша с Сашей!

— Да, слушаю, ё моё!

Кто-то сказал — и это пройдёт, как в воду глядел. Наконец-то, наказы у них закончились. Димон не дожидаясь, пока родственники сподобятся на какую-нибудь очередную дурость, вернулся к дружкам в беседку. А там «харьки» с ходу оценив его состояние, не давая остыть, взяли на слабо. Мол, ни за что тебе, Сидор, не вынести нам ещё одну бутылку.

— Я не смогу? Слово пацана!

Мать с порога принялась увещевать безрассудного сына, остепениться.

— Дим, час до автобуса остался, сядь, лучше поешь, куда тебе ещё пить!

— Только одну бутылку, через десять минут вернусь, обещаю!

«Мам, ну как ты не понимаешь, я всем сказал, что притащу».

— Нет, нет и нет!

Почему родоки не умеют слушать и слышать, почему могут только давить, душить, дрючить? Сколько душ можно было бы спасти? Да тьму!

Для начала в раковину полетел холодец прямо с тарелкой. Мало? Тогда стакан прямо об пол! Из того подарочного набора, что заводик подогнал отцу на юбилей. Вдребезги! Мало? Ещё один на столе стоит! Отец ими очень гордился. Да и сын их тоже любил, как родных, потому осколки, разлетевшись по кухне, впивались прямо в сердце. Но назад пути не было! Слово пацана дал! Разве можно уйти в армию не сдержав обет? Ма? Она не собиралась уступать, он тоже не мог. Всех спасла Ба. Отодвинув не на шутку удивлённого брата Андрюшу, старая выползла из комнаты с бутылкой, плотно заткнутой газетой вместо пробки.

— На! Пусть идёт, пока всё здесь не расколошматил! Ты не видишь, на что он похож? — бабка на опыте накормила волков и спасла овец.

Димон при виде самогона, обрадовался, пообещал вскоре вернуться, пожрать, проститься. Причём сам верил своим словам, будто пионер под присягой.

Беседка встретила его громким:

— Ништяк!

Триумфатор пустил бутылку по кругу, а от предложения начать самому отмахнулся:

— Мне хорош!

— Нам больше достанется, ништяк! — Шпеля обрадовался за всех.

«Да, насрать». Добытчик усмехнулся и не стал отвечать. Ему уже хватит. Он повернулся к Чибе, рассказал, что у него есть план: дождаться отца, когда тот проводит родню, рассказать ему обо всём, что натворил, потом вместе пойти домой. У них в семье заведено, если честно признаёшь свои ошибки, то наказания либо совсем нет, либо оно минимальное или формальное.

— А через полчаса здесь встретимся, да пойдём в армию!

— Хороший план, — лучший друг начал, но не смог продолжить.

«Харьки» затеяли трёхстороннюю междоусобицу, кому из них достанется Димонова доля. Крик, мат, склока понеслись по двору со скоростью звука, а от подъездов и с балконов пятиэтажек в ответ посыпались негодование, возмущение, призывы вызывать милицию. Диких братцев пришлось срочно разнимать всей беседкой, сдаваться те не собирались, в суете Димон не сразу понял, чего от него хочет Чиба.

— Там дядь Стёпа пришёл!

Отец стоял у крыльца перед входом в подъезд, он затянулся только что прикуренной сигаретой, смотрел на бардак и тот ему явно не нравился. Сын рванул к нему, как на крыльях, но там всего-то двадцать шагов, ну двадцать пять от силы, так что полёт был недолгим. В состоянии похожем на эйфорию от грядущего перемирия, от желания поскорее забыть дурацкие обиды, в конце-концов проститься по человечески, встал перед отцом почти вплотную, вдохнул побольше воздуха, хотел выпалить, что-то общепримиряющее… Не успел. Получил прямо в морду. Кулак отца скользнул по левой скуле, удар получился не сильный, но ошеломительный. Выбил из головы миролюбивость, напрочь. Ответ последовал мгновенный, на

инстинкте. Точно в сигарету между губ. Искры врассыпную, крик матери позади отца, Чиба на руках за спиной, вмиг всё замоталось в один клубок, в один узел из тех, что когда-то назвали Гордиевым. Их растащили — Сидоркиных отца и сына. Старшего мать увела домой, второго Чиба к себе. Через десять минут прибежал бледнолицый брат Андрюша, притащил коричневую сумку из искусственной кожи с синей надписью «SPORT». Туда запихали умывальные принадлежности, небольшое вафельное полотенце, что-то ещё не разглядел. Он отдал сумку, сунул деньги, тут же умчавшись прочь от брата, как от прокажённого. Чибин отец без лишних ненужных вопросов сначала перекинулся парой слов с обоими, а потом отдельно с сыном в гостиной, но уже подольше, поподробнее. Пока они секретничали, Димона развлекала Женька недвусмысленными рассказами про подругу, но тот никак не реагировал, тяжело переживая произошедшее. Наконец гонг пробил. Друзья решили идти без сопровождения, быстро обнялись со всеми, присели на дорожку, выскользнули из квартиры.

— Пойдём с той стороны, чтобы в беседку не заходить!

Один предложил, другой поддержал. Но напротив лепёхинского окна Чибу словно заклинило. Он развернулся, вытянулся в струну, уставился на ядовитые шторы, в надежде разглядеть в них какое-нибудь шевеление, хотя бы слабый намёк на движение. Тщетно. Даже на миллиметр не сдвинулись.

— Не хочу сюда возвращаться, здесь нечего делать, только гнить. Надо идти, скоро автобус приедет Чиба!

— А?

— Хуй на! Пора!

— Да… да!

Друзья пошли в неведомое побросав за собой восемнадцать с половиной прожитых лет.

— Дима, ты что заснул? Приехали!

— Куда?

— Домой!

До него не сразу дошло: совершенно незнакомое место, теперь называется домом. Давным-давно, ещё на втором году службы мать ему сообщила, что на заводике отцу дали четырёхкомнатную, так как их пятеро, включая бабку. Но разве он об этом помнил? Куда там! Да, писал потом на конверте вместо улица Степная, проспект Комсомола с абсолютно другими номерами, но в голове у себя представлял, тот прежний дом, откуда они с Чибой задворками уходили на службу. Потому-то сейчас с удивлением разглядывал панельную пятиэтажку, от той на Степной эта ни чем не отличалась. Разве что балконы покрашены коричневым цветом вместо зелёного. Димон с отцом аккуратно достали из багажника поклажу, а брат Андрюша с женой ускользнули первыми. «Просто интересно, зачем они в такую рань вставали. Я бы ни за что не попёрся. Удивительно, насколько мы разные». Во дворе и в подъезде старались не шуметь, не будить соседей в такую рань. Пока почти беззвучно поднимались по лестнице на второй этаж со всеми, включая принцессу, случился приступ внезапного счастья. Жаль продлился недолго, всего лишь два лестничных пролёта. Но счастье не печенье, затяжным не бывает.

Если снаружи дом выглядел абсолютно чуждым, то внутри, наоборот, Димону почудилось, что здесь он уже бывал. Вероятно, такую иллюзию создавали прежние вещи из старой квартиры. Только на кухне обновили гарнитур, да ещё пару кресел в зале, но и те, когда пригляделся, просто перетянули другой тканью.

Принцесса не успев осмотреться, запросилась в туалет, но оттуда прозвучало категорическое:

— Занято!

Андрюша, судя по всему, за эти годы привычки поменять не удосужился. Что-то же должно оставаться незыблемым! Отец попытался его ускорить, но пришлось отступиться, мать зашипела, закудахтала на мужа. Она оставалась на стороне младшего с самого его рождения. По плану он должен был появиться девочкой. Ма уверовала в этот догмат ещё до начала второй беременности. В юности гадалка напророчила ей двух разнополых детей, причём, мальчик будет первым, а девочка появиться лет через пять. Как в воду глядела. Сколько ни бились родители над увеличением приплода сразу после рождения Димона, ничего не получалось. А уж так им хотелось погодок. Но нет. Вот через пять с половиной лет, пожалуйста — получите, распишитесь. Понесла. Вслед за ней, все остальные, кто причастен, тоже заладили: девочка будет, девочка. Но когда вылез Андрюша, тут-то они угорели, как же так? Как, как? Каком к верху! Глупцы, разве можно верить гадалкам в двадцатом веке, в стране развитого социализма? Да боже упаси! Тем не менее, к мальчику по инерции относились, как к девочке. Нет, в платья не наряжали, бантики не завязывали, косы не заплетали, кукол не покупали, точно такого не было, но там, где Димону легко мог прилететь подзатыльник или крепкое словцо, младшенького только журили, да и то слегонца. Мать за этим строго следила. Разумеется, он не давал особых поводов, в отличии от старшего брата, но тут винить не кого, такой им разнообразный достался темперамент. Другое дело, подобной ситуации, как сейчас у них никогда не случалось. Вдруг появился человечек, не менее свой, чем Андрюша, но гораздо младше и при этом настоящая девочка, и она хочет в туалет, но там он, а как жить дальше, никто не знает. Коллизия, однако. Хорошо, что на Ма снизошло озарения, так бы ещё долго стояли стоймя. Она метнулась на балкон, чем-то громыхнула, вернулась крайне довольная собой со старым эмалированным горшком в руках. Ещё Димон в него начинал. Затем он по наследству перетёк под брата, а когда других претендентов на место не осталось, отец ссыпал туда разные гвозди, шурупы, дюбели, шайбы, болты, гайки, накрыл сверху крышкой от сгоревшей кастрюли, выставил на балкон, время от времени выуживая нужный крепёж.

— Дианочка, я сейчас быстренько горшочек сполосну, и ты сходишь! — она засияла от счастья, а принцесса всплеснув руками вытаращила на неё округленные от ужаса глаза.

— Бабушка ты в своём уме? Я ведь не маленькая, что я не вытерплю по-твоему? Он же не собирается жить в туалете?

— Жить, не собирается!

Озарение сразу угасло. Конфликт поколений, как вечный огонь — не наглядеться, но Димон решил прерваться и проверить одну давнюю теорию. Вооружившись большими ножницами, аккуратно срезал шпагат перетягивавший сумку, свернул в клубок, бережно снял бумагу, сложил до удобоваримых размеров, спрятал в боковой карман, туда же отправил шнур. Пригодятся. Едва объявил о начале раздачи подарков, привезённых через половину огромной страны, в туалете послышался шум сливаемого бачка, а в комнате, где обитала молодая семья, как будто зашуршала гигантская крыса. Это сладкое слово — подарок! Один мгновенно просрался, а другую даже звать не пришлось! Аборигены сплотились вокруг пришлых, внимательно следили за каждым движением руки, за каждым пакетом, что появлялся пред их очами. Как ярко, красиво, щекотно, заманчиво, ух! Если судить по лицам, остались довольными все, кто-то даже с лихвой. Щедрый даритель схватил видеокамеру, попытался запечатлеть прекрасное мгновение, но одарённые под объективом сразу тушевались, деревенели, краснели, будто пойманные на постыдном. Камеру пришлось отложить, чтобы не обсерать людям малину. Пока дамы источали восторги по поводу иноземного барахлишка, особенно им приглянулось детское, в нём принцессе предстояло щеголять наступающим летом, отец предложил старшему выйти на балкон.

— Покурим.

— Пойдём.

Дверь закрыли поплотнее, чтобы табачный дым и сокровенные слова остались между ними, створку застеклённого балкона наоборот, распахнули настежь.

— Такие будешь?\

Димон увидел перед собой нераспечатанную пачку «опала».

— Нет, спасибо. Я никаких не курю. Пап, ты прости меня!

— Простил! И ты меня прости!

— Я-то за что?

— За то же самое!

Сын, чуть склонился над сидевшим рядом на старой кухонной табуретке отцом, неловко правой рукой обнял его за голову, тот не отстранился, не отвёл сыновнюю руку, просто замер, глядя куда-то вдаль. Глаза у обоих слезились. Одному едкий дым лез прямо в лицо, а вот другой слабину дал по-настоящему. Ну, а что вы хотите? Возраст — лучший друг сантиментов. Из любого, даже каменного сердца слезу вышибает на раз! Странная мысль вертелась в голове у Димона. Столько лет ждал эту встречу, столько слов для неё заготовил, а пришла она и все слова стали лишними, кроме самого важного и нужного — прости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.